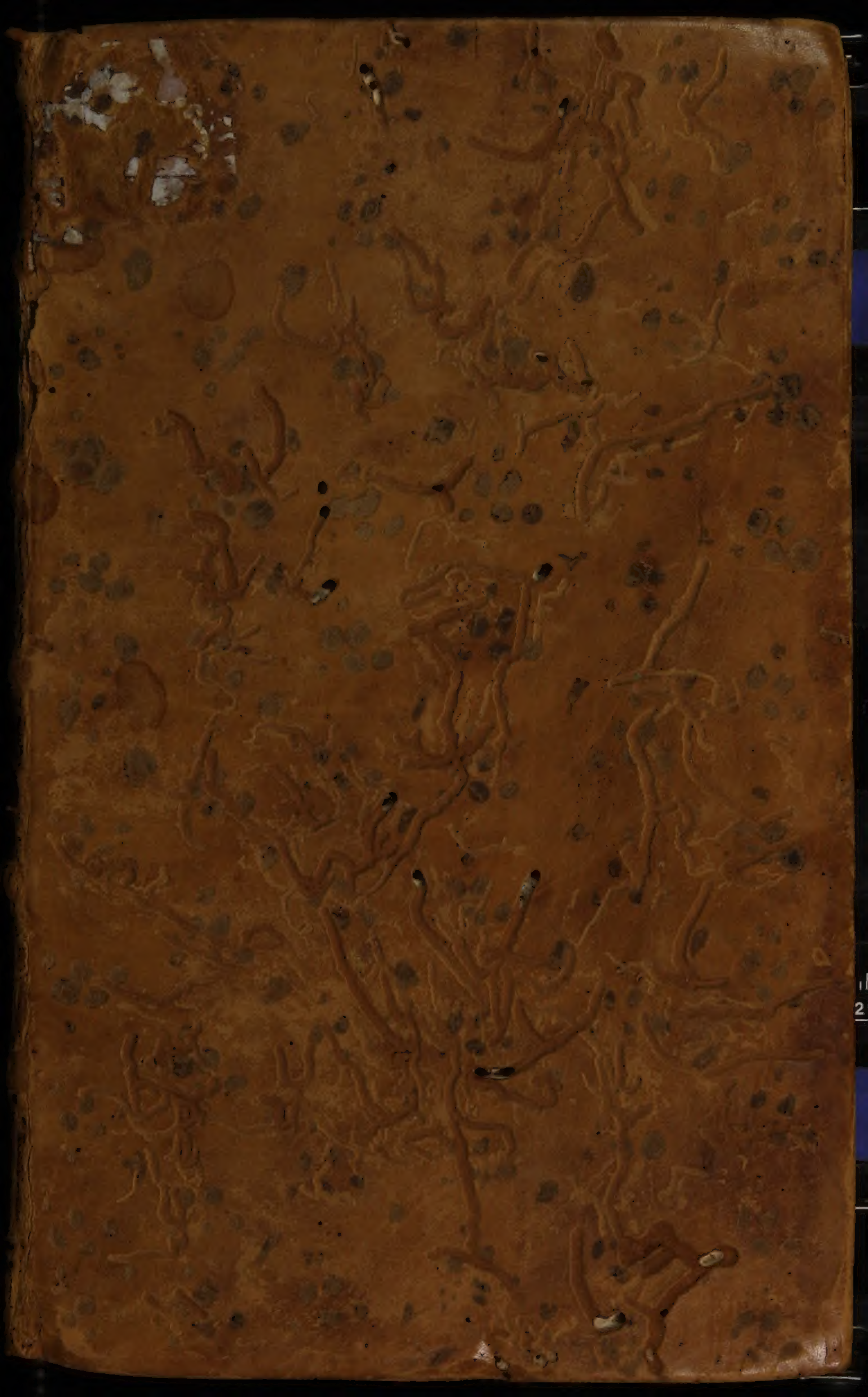

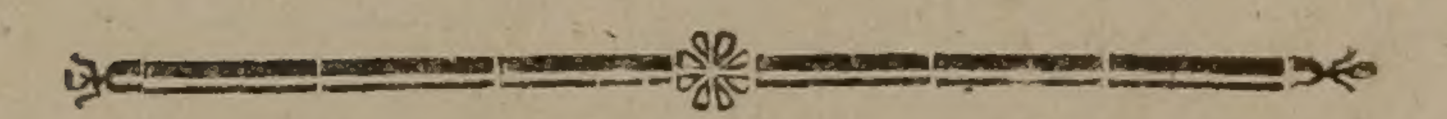
БИБЛІОТЕКА

УЧЕНАЯ,
ЕКОНОМИЧЕСКАЯ,
НРАВОУЧИТЕЛЬНАЯ,
ИСТОРИЧЕСКАЯ
И УВЕСЕЛИТЕЛЬНАЯ,

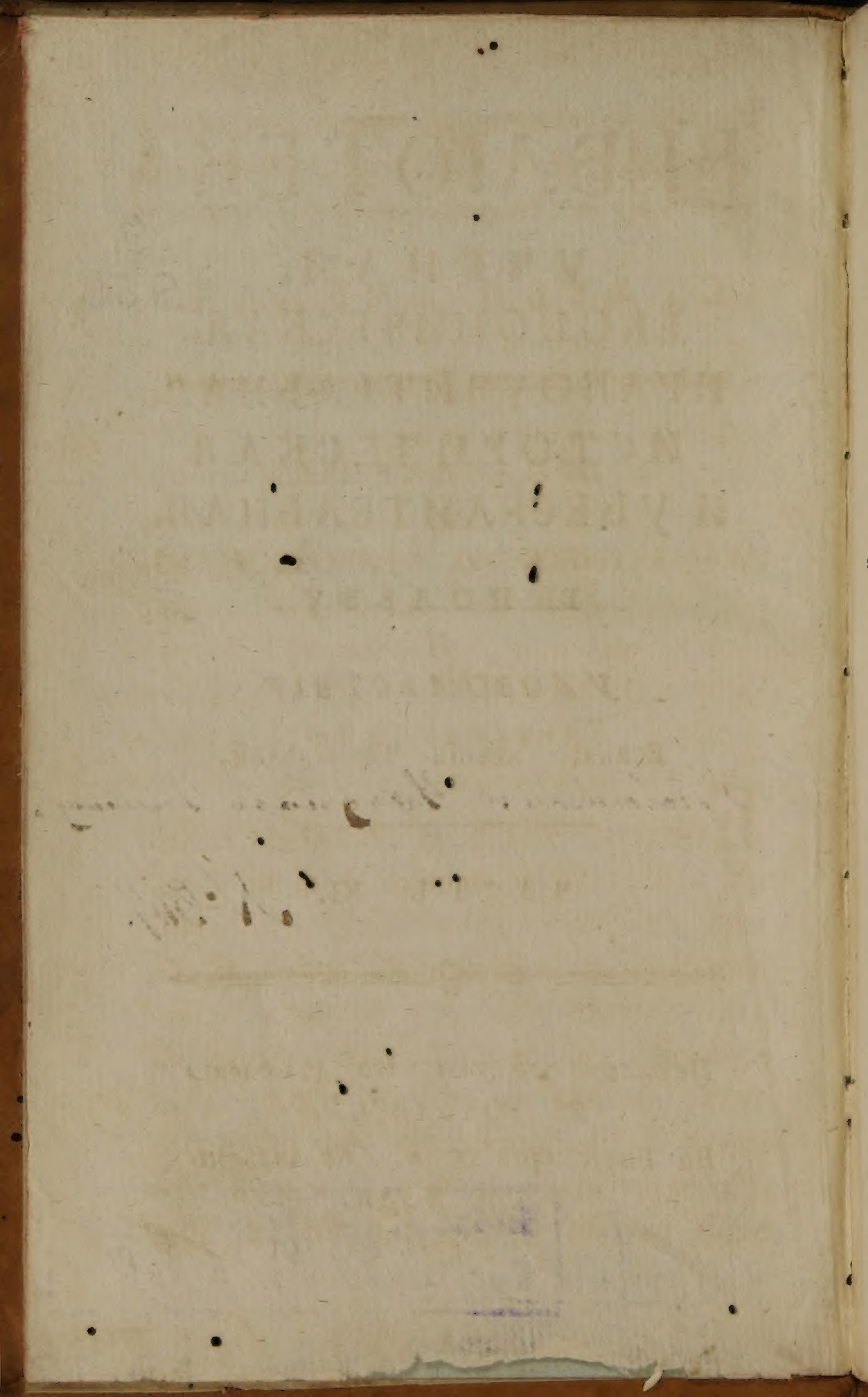
ВЪ ПОЛЬЗУ
И
УДОВОЛЬСТВІЕ
Всякаго званія Читателей.

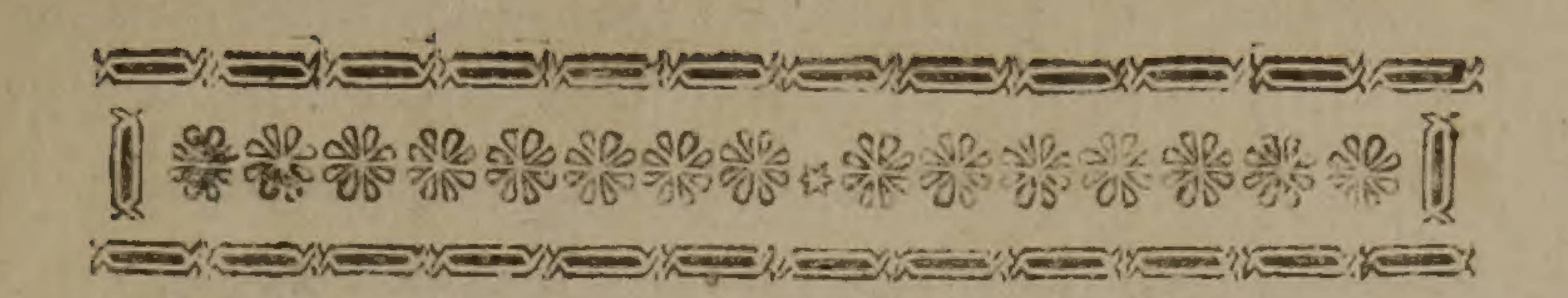
Тобольского Уездного Училища

ЧАСТЬ XI. № 367.

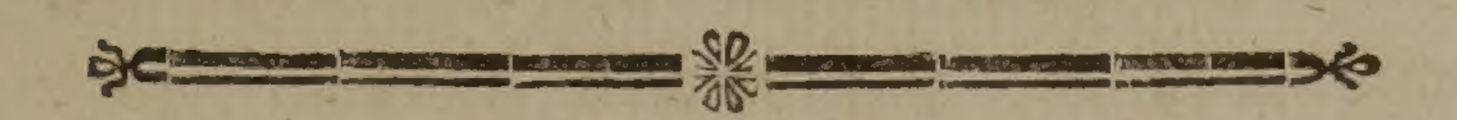

Печатано съ указнаго дозволенія
ВЪ ТОБОЛЬСКѢ,
Въ Типографіи у В. Корнильева.
1794 ГОДА.

СТАТЬЯ УЧЕНАЯ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ О ДРАМАТИЧЕСКОМЪ СТИХОТВОРСТВѢ.

II.

Единство дня.

Единство дня есть обращеніе Солнца, или двадцать четыре часа, то есть, что дѣйствіе долженствуетъ начинаться и окончиться въ такое время, дабы имѣло оно еще большую степень вѣроятности. По всей строгости судя, правила требуютъ, чтобъ дѣйствіе не продолжалося болѣе самаго представленія, то есть, чтобъ оно было начато и окончано въ два или

три часа по большой мѣрѣ, какъ въ Эдинѣ, въ Горацiяхъ и въ Аѳалiи. Но поелику весьма рѣдко можно найти такое произшествiе, которое можно было бы заключить въ толь тѣсные предѣлы; то разширили вмѣсто того правило, и дали ему двадцать четыре часа пространства. Но принуждены были прибѣгнуть къ искуству для распредѣленiя двадцати четырехъ часовъ, такимъ образомъ, чтобъ вмѣщались они въ два или три часа продолженiя представленiя. Вотъ какимъ образомъ.

Въ пяти актахъ находится четыре антръ-акта, то есть междудѣйствiи, въ кои представленiе на нѣсколько минутъ пресѣкается. Искусный сочинитель помѣщаетъ цѣлую ночь въ одинъ изъ антръ-актовъ, а остальное лишнѣе время помѣщаетъ въ другiе антръ-акты, такимъ образомъ, что каждый актъ не требуетъ для произходящаго въ немъ, какъ точно только то время, которое по-

требно для представленія онаго. Смѣшно было бы, чтобъ дѣйствіе, продолжающееся восемь или девять часовъ, представилось въ одинъ часъ. Однако же получасомъ можно весьма удобно изобразить часъ; и такъ точная соразмѣрность не нужна.

III.

Единство мѣста.

Взявъ единство мѣста, по всей строгости требуется, чтобъ все дѣйствіе происходило точно въ одномъ мѣстѣ. Ибо не оказывается такова снисхожденія предѣламъ мѣста, какъ предѣламъ времени. Къ тому же не столь удобно обмануть глаза зрителей, какъ умъ ихъ, погруженной въ чувствіи. Перемѣняя декораціи, для перемѣны мѣста, заставляютъ смѣяться зрителя, видящаго превращеніе мѣстъ, въ коихъ онъ находится, въ пустыни, въ садъ и проч. Между тѣмъ, какъ самъ онъ остается тамъ, гдѣ былъ.

Сіе правило причиняетъ много

трудовъ сочинителямъ. Имъ должно или избѣгать сихъ неудобствъ, или выбирать такія произшествія, гдѣ оныхъ мало находится. Великое напримѣръ неудобство привести Царя на театръ, для выслушанія преступника, желающаго сказать ему еще одно слово: естественно судя, надлежало бы привести преступника предъ Царя, но чрезъ сіе единство мѣста разрушилось бы.

Для избѣжанія сего неудобства, Корнелій совѣтуетъ не означать совершенно мѣста произшествія, но оставить воображенію зрителя самому опредѣлить оное, когда сіе возможно.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О СЛОГѢ ДРАМАТИЧЕСКАГО СТИХОТВОРТВА.

Si dicentis erunt fortunis absona dicta, Romani tollent ecuites peditesque cachinum.

Вотъ правило, предписанное мастеромъ сего искуства. Положеніе говорящаго должно управлять его слогомъ.

Ибо Царь, частной человѣкъ, женщина, земледѣлецъ купецъ не должны говорить одинакимъ образомъ. Но сего еще не довольно: сіи самые люди находятся иногда въ радости или въ печали, въ страхѣ или въ надѣждѣ и проч: сіе временное ихъ состояніе предписываетъ еще другое сообразованіе ихъ слогу.

Вообще, всякой драматической Актёръ долженъ избѣгать всего того, что можетъ заставить чувствовать искуство или проворство. Слѣдовательно ему надлежитъ избѣгать слѣдующаго:

1е. Общихъ нравоучительныхъ изреченій, ихъ должно привязывать къ тексту. И такъ вмѣсто того, чтобъ сказать: надлежитъ страшиться даже и подарковъ, получаемыхъ нами отъ непріятелей нашихъ; должно сказать: я боюсь Грековъ даже и въ подаркахъ ихъ.

Нравоучительное наставленіе, привязанное такимъ образомъ къ дѣйст-

вію или къ особѣ, имѣетъ болѣе вѣроятности, болѣе живости и болѣе жара. Сіе не значитъ однако же, чтобъ не можно было положить какого либо относящагося ко всѣмъ вообще правила; но читатель можетъ видѣть теперь, въ какихъ случаяхъ сіе можетъ быть необходимо.

2е. Избѣгать Ораторскихъ фигуръ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ могутъ обнаружить искуство Лирическихъ порывовъ; однимъ словомъ всего того, что можетъ дать чувствовать, что то Стихотворецъ или Ораторъ, которой заставляетъ Актёровъ говорить, а что они не сами отъ себя говорятъ.

Актёръ, говорящій одинъ, дѣлаетъ, что называется монологъ; а когда многіе говорятъ вмѣстѣ другъ съ другомъ, то сіе называется діалогъ, или разговоръ.

Всякой начинающій говорить Актёръ, долженъ имѣть къ тому причину, по крайней мѣрѣ видимую.

Всякой монологъ долженъ быть коротокъ; причина тому та, что онъ почти вышелъ изъ натуры. Естьли монологъ длиненъ, то Актёру должно быть въ сильномъ движеніи. Ибо человѣкъ спокойный довольствуется только внутреннимъ размышленіемъ: но только тогда, когда чувствуетъ великое волненіе, дѣлаетъ онъ восклицанія, размахиваетъ руками, ходитъ скорыми шагами, и произноситъ иногда слова.

Для избѣжанія долгихъ и частыхъ монологовъ, изобрѣтены наперстники, коимъ Герой ввѣряетъ свои горести и намѣренія; но роль сихъ наперстниковъ бываетъ обыкновенно столь холодна, что лѣкарство едва ли лучше болѣзни.

Въ разговорѣ, гдѣ многіе говорятъ попеременно, то сіе разпредѣленіе требуетъ тѣмъ большаго искуства, что сіе искуство ни мало не должно обнаруживаться. Должно, чтобъ выгоды и мысли смѣшивались, соединялись, раж-

дались одна отъ другой сколь можно естественнѣе и проч. Никто не былъ столь искусенъ въ сей части, какъ Корнелій и Моліеръ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
О ТРАГЕДІИ.
ГЛАВА ПЕРВАЯ

Что есть трагедія?

Трагедія есть представленіе героическаго дѣйствія, удобнаго возбуждать ужасъ и соболѣзнованіе. Я постараюсь объяснить въ сей части сіе опредѣленіе.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Что есть героическое дѣяніе?

Дѣйствіе трагедіи тогда называется героическимъ, когда оно есть слѣдствіе какого либо свойства души, вознесшагося къ чрезвычайному до извѣстной степени. Чрезвычайное требуется для того, что ежели сіе дѣяніе требуетъ только обыкновеннаго

духу, то не можетъ имѣть инаго достоинства, кромѣ одного правдоподобія; и мы видимъ ежедневно примѣры такихъ дѣяній. До извѣстной же степени по той причинѣ, что ежели сіе дѣяніе прейдетъ за извѣстные предѣлы, то есть за границы человѣческой возможности, то сіе будетъ родъ чудовища, или уродливаго исполинства. Героическое же, или прекрасное, благородное, великое, находится въ срединѣ между обыкновеннаго и сверьхъестественнаго. Таковы напримѣръ: мужество, храбрость великодушіе, превышающія обыкновенныя. Самые даже пороки входятъ въ понятіе сего геройства, когда они бываютъ слѣдствіемъ чрезвычайной смѣлости, или твердости духа. Таковы напримѣръ: неустрашимость Клеопатры въ Родогунѣ.

Героическое дѣяніе бываетъ таково, или само по себѣ, или по званію тѣхъ людей, кои оное учиняютъ.

Оно героическое само по себѣ,

когда имѣетъ великій какой либо предметъ, какъ-то: пріобрѣтеніе престола, наказаніе тирана. побѣжденіе самаго себя въ какой либо сильной страсти.

Оно героическое по званію чинящихъ его людей, когда люди сіи суть Цари, или Князья, сами ли они дѣйствуютъ, или другіе противъ ихъ дѣствуютъ. Когда Царь предпріемлетъ важное намѣреніе, то оное облагородивается великостію дѣйствующей особы. Когда же оное предпринимается противъ Царя, то облагородивается великостію особы, противъ коей дѣйствуютъ.

Не надлежитъ въ томъ сомнѣваться, чтобъ не можно было выводить на театръ мѣщанскихъ трагедій. Ежедневно случаются въ посредственномъ состояніи людей такія произшествія, кои трогательностію своею заслуживаютъ быть предметомъ стихотворческаго подражанія.

Кромѣ того кажется еще, что

посл̂ику большая часть людей находится въ семъ среднемъ состоянiи, то близость состоянiя къ нашему, несчастливца, коего видимъ мы страданiя, должны быть вящшею причиною къ возбужденiю нашего соболѣзнованiя. Однако же, естьли правда, что не льзя обуть Короля въ лапти, то не меньше справедливо, что и мужика не можно обуть въ Котурнъ.

Трагедiя не дозволяетъ также низости. Сверьхъ того предметъ художествъ, кои всѣ изобрѣтены для украшенiя природы, состоитъ въ томъ, чтобъ цѣлить къ величайшему и къ благороднѣйшему; то гдѣ же мы найдемъ совершеннѣйшiе предметы къ трагедiи, какъ не между Царями? Кромѣ того, что будучи люди, такъ какъ и мы, привязаны они къ намъ человѣчествомъ; но степень возвышенности ихъ, придаетъ еще болѣе важности ихъ паденiю, и учиняетъ оное, по сей же причинѣ, трогательнѣйшимъ. Наконецъ понятiе, присоединяемое нами

къ власти и блаженству ихъ имени, увеличиваетъ до безконечности ужасъ и сострадание зрителей. Слѣдовательно, сколь бы ни искусенъ былъ писатель; но не въ состоянiи заставить плакать зрителей, представляя имъ произшествiе не героическое, въ томъ смыслѣ, въ коемъ я здѣсь оное разумѣю. Сколь трудно достигнуть до сего, пользуясь даже всѣми возможными выгодами!

ГЛАВА ТРЕТIЯ.

О томъ, что учиняетъ дѣйствiе трагическимъ?

Первое свойство трагическаго дѣйствiя состоитъ дѣйствительно въ томъ, чтобъ оно было героическое. Но сего еще не довольно; оно сверьхъ того должно быть таково, чтобъ могло возбуждать ужасъ и сострадание; сiе-то учиняетъ оное собственно трагическимъ.

Всѣ удовольствiя, всѣ огорченiя,

чувствуемыя при трагическомъ представленiи, основаны на семъ правилѣ; я человѣкъ, и все то, что относится къ человѣку, относится ко мнѣ. Слѣдовательно надлежитъ явить въ трагедiи человѣка, которой бы живо представлялъ въ себѣ человѣчество, страсти онаго, стремленiе, слабости и несчастiя; представлять же всѣ оное должно съ такой стороны, которая удобна родить въ зрителяхъ сострадание и ужасъ.

Состраданiе возмущаетъ нашу душу, по тому, что мы видимъ подобнаго себѣ въ несчастiи. Ужасъ же стесняетъ наше сердце, по тому, что мы боимся, чтобъ и насъ не постигло то же бѣдствiе, въ коемъ видимъ мы себѣ подобныхъ.

Всякая та трагедiя, которая производитъ только одно изъ сихъ чувствiй, есть несовершенна; та, которая ни того ни другаго не производитъ, не есть трагедiя; наконецъ та, которая производитъ ихъ только въ

нѣкоторыхъ мѣстахъ, только въ тѣхъ мѣстахъ и есть трагедія.

Разсмотримъ теперь въ чемъ состоитъ истинная трагедія.

Кажется, что дѣйствіе, какого бы оно само въ себѣ не было, хотя бы оно кончилося смертію какого человѣка, не есть само по себѣ трагическое, но отъ обстоятельствъ таковымъ учиняется.

Сіи обстоятельства произходятъ или отъ дѣйствующаго лица, или отъ того, противъ котораго дѣйствуется.

Дѣйствующій человѣкъ есть или совершенно добродѣтеленъ, или совершенно пороченъ; или не совсемъ добродѣтеленъ, но съ нѣкоторой только стороны.

Естьли добродѣтельный человѣкъ восторжествуетъ надъ злодѣемъ; то предпріятіе необходимо долженствуетъ окончаться радостію; тогда развяска не есть трагическая. Ибо заботы предшествовавшія не суть трагическія; но только приготовленія къ трагическому.

И такъ, естьли случится, что за ними послѣдуетъ радость, то зрѣлище только что почти героическое. Равномѣрно, естьли и злодѣй, умышляющій зло противъ добродѣтельнаго, погибнетъ; то наказаніе не есть трагическое. Но естьли добродѣтельный человѣкъ, для восторжествованія надъ злодѣемъ, принужденъ прибѣгать къ жестокимъ крайностямъ, вооружиться рѣшимостію, подвергать жизнь свою опасности; не только свою, но притомъ многихъ особъ, или и цѣлаго народа; то всѣ сіи вещи, искусно выведенныя, могутъ весьма удобно произвести то, что мы называемъ трагическимъ: Расинова Аѳалія есть сего рода.

Естьли человѣкъ добродѣтельный, или въ срединѣ находящійся между добродѣтелію и порокомъ, учинится жертвою своей должности, какъ-то Куріацій, или жертвою своей слабости, какъ Арріана и Федра, или слабости другаго, какъ Полiевктъ, или

предъубѣжденіе отца, какъ Ипполитъ, или временной братней ненависти, какъ Труворъ, естьли онъ низвергнется въ погибель, которой не могъ избѣжать, какъ напримѣръ Андромаха, или погибнетъ отъ дѣйствія судьбы, коей всѣ смертные подвластны, какъ напримѣръ Эдипъ; то вотъ въ чемъ состоитъ истинная трагедія; вотъ что волнуетъ нашу душу, и заставляетъ проливать слезы. Когда же присоединяется ужасность дѣянія къ блеску великости, или высокому сану дѣйствующихъ лицъ; то дѣйствіе сіе будетъ героическое и вмѣстѣ трагическое, и производитъ въ насъ сострадание, смѣшанное съ ужасомъ, потому, что мы видимъ людей, и людей, кои болѣе, сильнѣе и совершеннѣе насъ, удручаемыхъ несчастіями, кои суть общи всему роду человѣческому.

Особы, противъ коихъ дѣйствуется, могутъ еще увеличить силу трагедіи.

Естьли человѣкъ равнодушный умертвитъ другаго человѣка въ минутномъ бѣшенствѣ; то изъ сего нельзя сдѣлать трагедіи: ибо сіе есть обыкновенное приключеніе, не сильно волнующее духъ тѣхъ, коимъ оно разсказывается.

Естьли непріятель убьетъ своего непріятеля: то изъ сего можно извлечь множество чувствій. Мщеніе само по себѣ есть страсть трагическая, какъ скоро употребляетъ она для удовлетворенія своего жестокія средства. И поелику наказуетъ страсть, то она долженствуетъ прейти законныя границы, дабы учиниться истинно трагическою. Но надлежитъ помнить, чтобъ отнюдь не преходить предѣловъ ужаснаго, и не войти въ отвратительное. Позволено устрашать природу, но не должно возбуждать въ ней омерзенія и отвращенія. Не должно заставлять пить Өіеста кровь сына его. (*)

(*) Атрей и Өіестъ трагедія Г. Кребильона.

Естьли врагъ возставъ противу своего врага, не погубитъ его, то долженъ самъ погибнуть, а безъ того не будетъ трагедія. Мщеніе, остановляющее стремленіе свое изъ почтенія, или удивленія къ какой либо великой добродѣтели, больше прилично Етическому, нежели Трагическому стихотворству. (*)

Наконецъ естьли то другъ, которой нападаетъ на друга своего, то тутъ могутъ встрѣтиться три случая: или онъ почитаетъ его своимъ врагомъ, и признаетъ свое заблужденіе по умерщвленіи уже его; или признаетъ оное въ ту самую минуту, когда готовъ былъ его поразить, или признаетъ его за друга, но не взирая на то, гонитъ его.

Естьли другъ будетъ убитъ своимъ другомъ, сынъ отцомъ, отецъ сыномъ, и когда сіе узнается, то ни-

(*) Такія пiесы, коихъ развязка весела, называются траги-комедіями, хотя и ни чего нѣтъ комическаго во всей пiесѣ.

что столь болѣзненно быть не можетъ, какъ сіе.

Естьли же не совершится жертва, но откроется истинна въ столь опасномъ случаѣ; то и сіе можетъ произвести весьма сильное трагическое дѣйствіе.

Естьли другъ, гонящій своего друга, коего признаетъ онъ дѣйствительно таковымъ, но принужденъ какою либо важною вышшею причиною преодолѣвать дружбу или горячность, и пожертвовать сыномъ, братомъ, отцомъ, любовницею; то сіе составляетъ другой родъ трагедіи. Здѣсь брань произходитъ въ одной особѣ, въ одномъ и томъ же сердце, споръ различныхъ страстей, производитъ потрясенія гораздо чувствительнѣйшіе и жесточайшіе удары. Двѣ страсти въ чрезвычайной, то есть въ героической степени, раздираютъ сердце одного человѣка; но которая восторжествуетъ? По уставамъ пристойности, благороднѣйшая страсть должна всегда одержать побѣду.

Кровопролитіе не необходимо нужно къ возбужденію трагическаго чувствія. Аріадна, оставленная въ острове Наксосѣ; Филоктетъ, оставленный въ Лемносѣ, суть тамъ въ трагическомъ положеніи, и положеніе ихъ столь же трагическо, какъ и самая смерть: оно представляетъ ужасной ея видъ, тамъ видна горестная смѣсь скорби, отчаянія, унынія, и словомъ всѣхъ скорбей сердца человѣческаго.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О нравоучительномъ заключеніи или цѣли трагедіи.

Чрезъ нравоучительное заключеніе поемы разумѣется то, что необходимо изъ нее должно произойти, относительно къ нравамъ. Напримѣръ: нравоучительной конецъ притчи есть полезное наставленіе; цѣль сатиры есть исправленіе порока, посредствомъ хуленія онаго; цѣль комедіи состоитъ въ томъ, чтобъ исправлять смѣха достойные недостатки, посредствомъ

осмѣянія оныхъ; цѣль епопеи есть, чтобъ возвышать душу, представляя ей благородныя мысли и великодушныя чувствованія; цѣль же трагедіи есть та, чтобъ пріучить нашъ духъ къ состраданію о несчастіи ближняго, и учинить ее болѣе твердою къ снесенію собственныхъ нашихъ бѣдствій. Въ прочемъ, всѣ иносказанія, всѣ нравоучительныя правила, всѣ преизящныя наставленія, въ ней находимыя, суть ни что иное, какъ тонкости художника, но отнюдь не предметъ художества. Трагедія съ сими красотами, или безъ нихъ, будетъ не болѣе и не менѣе трагедіею, естьли удобна она пріучить душу къ несчастію, и учинить ее чувствительною.

Можно сдѣлать здѣсь слѣдующій вопросъ: долженствуетъ ли любовная страсть владычествовать въ трагедіяхъ, то есть, составлять узелъ оныхъ? Есть Авторы, утверждающіе, что сію страсть должно совершенно изгнать изъ нашихъ трагедій, другіе

же говорятъ, что она необходимо нужна. Для разрѣшенія сего вопроса, отвѣчаемъ мы съ Гномъ Волтеромъ, что хотѣть, чтобъ была любовь во всѣхъ трагедіяхъ, есть вкусъ женоподобный; но совершенно исключить ее изъ оныхъ, есть весьма безразсудная угрюмость.

Театръ, какъ комической, такъ и трагической, есть ни что иное, какъ живая картина страстей человѣческихъ: трагедія представляетъ честолюбіе Государя; а комедія осмѣхаетъ тщеславіе мѣщанина. Здѣсь смѣетесь вы жеманству и пронырствамъ простой гражданки, а тамъ оплакиваете злосчастную страсть Федры, Арріаны, Мстислава, Синава и Оросмана; такимъ же образомъ любовь увеселяетъ васъ въ романѣ, и восхищаетъ въ Дидонѣ Виргиліевой.

Любовь въ трагедіи не болѣе есть важный порокъ, какъ и въ Енеидѣ; тогда только она хулы достойна, когда помѣщается не къ стати, или

не искусно предлагается, какъ напримѣръ: въ хладномъ Епизодѣ Тезея и Дирсеи, или древней любви Филоктета къ Іокастѣ въ Едипѣ; или когда Неронъ прячется за обои, дабы подслушивать разговоры своей любовницы съ соперникомъ своимъ; когда старый Митридатъ употребляетъ комическую хитрость, или родъ фокусъ-покуса, дабы узнать тайну одной молодой женщины, любимой его сыновьями; когда Максимъ, даже въ самой прекрасной трагедіи Циннѣ, исполненной въ прочемъ всякаго рода красотъ, для того только, какъ гнуснѣйшій подлецъ, открываетъ важный заговоръ, что онъ, какъ безщотный дуракъ, влюбленъ въ женщину, коея страсть къ Циннѣ была ему извѣстна; когда престарелый Серторій влюбленъ богъ вѣдаетъ въ какую-то Виріату, и когда его умерщвляетъ Перпенна, влюбленный въ сію Гишпанку, то все сіе весьма низко, и ни мало недостойно трагедіи.

Я осмѣливаюсь думать вообще, что всѣ тѣ трагедіи, кои безъ помощи любви могутъ устоять, суть неоспоримо лучшія, не только по тому, что сочинять ихъ труднѣе, но и отъ того, что когда уже предметъ найдетъ, то не прилично вводить въ него и любовь, которая въ такомъ случаѣ покажется рабячествомъ, и вмѣсто украшенія, испортитъ піесу. Отъ сего-то происходитъ, что мы удивлялися и удивляемся по нынѣ Аѳаліи, смерти Кесаревой, Меропѣ и проч: гдѣ любви нѣтъ ни капли.

Греки рѣдко выводили страсть сію на Ѳеатръ Аѳинскій. Во первыхъ по тому, что ихъ трагедіи сначала имѣли предметомъ одни только ужасныя произшествія; то умы зрителей были пріучены къ сему роду позорищь. Во вторыхъ по тому, что женщины ихъ вели жизнь гораздо уединеннѣйшую, нежели наши, и что такимъ образомъ, поелику языкъ любви не былъ, такъ какъ нынѣ, предме-

томъ разговоровъ всѣхъ бесѣдъ, то и стихотворцы не были побуждаемы выводить на театръ страсть сію, которая есть изъ всѣхъ труднѣйшая для изобрѣтенія, ибо требуетъ безчисленныхъ тонкостей и проч.

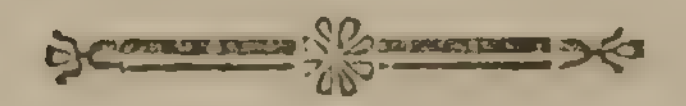
Третья причина, которая, мнѣ кажется, весьма сильною, есть та, что въ тѣ времена не было комедіянокъ; но женскія роли играны были маскированными мущинами. Кажется, что любовь показалась бы смѣшною въ ихъ устахъ.

Но у насъ совсемъ тому противное; и надлежитъ признаться, что наши писатели весьма худо бы знали свои выгоды, и свойства слушателей своихъ, естьли бы прелестныхъ нашихъ Актрисъ заставляли говорить только о честолюбіи и политикѣ.

Но вотъ въ чемъ состоитъ все худо, какъ мы то замѣтили, что любовь часто въ нашихъ трагическихъ герояхъ есть ни что иное, какъ только одно волокитство. Но дабы быть

достойною театр... то надобно, чтобЪ любовь была страсть совершенно трагическая, почитаемая слабостію, и борющаяся съ раскаяніемЪ; надлежитЪ, чтобЪ или любовь вела кЪ несчастіямЪ и преступленіямЪ, дабы показать сколько она опасна, или чтобЪ добродѣтель надЪ нею восторжествовала, дабы показать, что она не непобѣдима.

Окончаніе впредь.

ОКОНЧАНІЕ О ПРОВИДѢНІИ.

ВотЪ нѣкоторыя возраженія, дѣлаемыя противЪ существованія промысла.

ВЪ свѣтѣ видимЪ мы многіе безпорядки, много безполезныхЪ вещей, и даже вредныхЪ. Епикуріянцы тщеславились симЪ замѣчаніемЪ; которое многажды повторено вЪ поемѣ Лукре-

ціевой. Неприступные скалы, стоящія стѣны, чудовищи, яды, градъ, бури и проч: были толикое же число аргументовъ, присоединенныхъ къ первому.

Я отвѣчаю: 1е. Что Богъ учредилъ во вселенной общіе законы, по коимъ всѣ частныя вещи безъ исключенія имѣютъ свое собственное употребленіе, или пригодность; и хотя онѣ намъ кажутся безполезными и вредными; но всеобщіе уставы не суть отъ того менѣе премудры и спасительны. Богу не прилично было бы дѣлать безпрестанныя исключенія.

2е. Мы почитаемъ многія вещи безпорядками, ибо не знаемъ ихъ причины и употребленія; какъ же скоро случится намъ открыть оныя, то видимъ чудесный порядокъ. Напримѣръ, тѣ, кои принимали за истинную Астрономическую систему Птоломееву, находили въ строеніи небесъ, и въ распредѣленіи небесныхъ тѣлъ нѣкоторой родъ неправильности и даже

противоречія, которое казалось имъ весьма странно. Отъ сего-то произошла та шутка, или лучше сказать, то богохуленіе Алфонса, Короля Кастильскаго, искуснѣйшаго Математика, которой сказалъ, что есть ли бы Богъ пригласилъ его на свой совѣтъ, то бы онъ подалъ ему хорошее наставленіе. Но съ того времени, какъ древняя система уступила мѣсто иной гораздо простѣйшей и удобнѣйшей, то все недоумѣніе и затрудненіе изчезло, и міръ явился въ томъ видѣ, въ коемъ бы и самъ Алфонсъ не нашелъ ни чего хулы достойнаго. Прежде, нежели въ Анатоміи открыто было кровообращеніе, и многія другія важныя истинны; то истинное употребленіе многихъ частей тѣла человѣческаго было неизвѣстно; вмѣсто того, что нынѣ все сіе толкуется ощутительнѣйшимъ образомъ.

3. Что лежитъ до безполезныхъ вещей; то не надлежитъ столь поспѣшно называть ихъ таковыми. Ска-

жутЪ напримѣрЪ, для чего дождь упадаетЪ вЪ море? Для того, чтобЪ умѣрять соленость его водЪ, которыя безЪ сего содѣлались бы смертоносны живущимЪ вЪ нихЪ рыбамЪ, при томЪ же часто мореплавателямЪ доставляетЪ сей дождь важную услугу, когда нѣтЪ у нихЪ пресной воды.

4е. НаконецЪ находится весьма важная польза вЪ тѣхЪ вещахЪ, кои кажутся безобразными или даже опасными. НапримѣрЪ чудовища, или уроды, тѣмЪ болѣе даютЪ чувствовать доброту совершенныхЪ бытій. ОпытЪ умѣлЪ извлечь даже изЪ самыхЪ отравЪ преизящныя лѣкарства. ПримолвимЪ кЪ сему, что предѣлы нашего ума не дозволяютЪ намЪ рѣшительно заключать о красотѣ и безобразіи, о пользѣ и безполезности, вЪ толь неизмѣримомЪ пространствѣ и расположеніи. Нечаянность, или случай, говорите вы, причина слѣпая имѣетЪ вліяніе надЪ множествомЪ вещей, и слѣдовательно исхищаетЪ ихЪ изЪ

подъ власти Божества. Но что такое нечаянность? Что такое случай? Ето есть ничто, выдумка и химера, не имѣющая ни возможности, ни существованія. Мы приписываемъ случаю такія дѣйствія, коихъ причины намъ не извѣстны, но Богъ, вѣдающій всѣ причины и всѣ дѣйствія, какъ существующія, такъ и возможныя, то относительно къ нему, ничто не можетъ быть нечаяннымъ случаемъ.

Но въ разсужденіи Бога, продолжаете вы, нѣтъ многихъ случайныхъ вещей, какъ напримѣръ: число древесныхъ листьевъ, или песку морскаго, такого-то, или такого берега? Я отвѣтствую, что число листьевъ также опредѣлено, какъ и число древесъ и величайшихъ тѣлъ вселенныя; Богу столь же удобно представить себѣ малѣйшія частицы свѣта, какъ и величайшія; и начало довольной причины не менѣе нужно для учрежденія ихъ числимости и всѣхъ прочихъ обстоятельствъ, до нихъ касающихся,

какъ предписать путь Солнцу и ложище морю. Естьли бы случай имѣлъ дѣйствіе въ самомалѣйшихъ вещахъ, то дѣйствовалъ бы и въ величайшихъ.... По крайней мѣрѣ признаемся, что зависящее отъ свободы человѣческой, не можетъ быть подвластно провидѣнію.

Я отвѣчаю, что весьма бы странно было, естьли бы прекраснѣйшій и преизящнѣйшій порядокъ сотворенныхъ вещей, то есть умовъ, не былъ подвластенъ правленію Божескому, получивъ отъ него бытіе, и составляя благороднѣйшую часть его творенія. Напротивъ того, надобно думать, что Богъ крайнѣ къ намъ внимателенъ. Сверьхъ того, когда бы употребленіе свободы разрушало Божеское правленіе; то не осталось бы почти не одной вещи на землѣ, которая пребыла бы подъ властію Бога, по тому, что все происходящее на землѣ, есть дѣло человѣка и его свободы. Но Богъ, управляя произшествія, не разрушаетъ,

и даже не перемѣняетъ ни свойства ихъ, ни начала. Онъ дѣйствуетъ въ разсужденіи благородныхъ бытій, съ уваженіемъ (естьли позволено такъ сказать) къ ихъ свободѣ. Какимъ образомъ, говоритъ промыслоборецъ, можетъ Богъ объять знаніе и попеченіе о толикомъ множествѣ вещей вдругъ? Говоря такимъ образомъ, забываетъ онъ великость и безконечность Божію. Естьли какое нибудь затрудненіе полагать, что безконечное Бытіе имѣетъ неограниченное знаніе и всеобщую дѣятельность? Мы сами, коихъ разумѣніе заключено въ толь тѣсныхъ предѣлахъ, не всякой ли день бываетъ свидѣтелями той чудесной хитрости, которая собираетъ толпу предметовъ на глаза наши, и шлетъ о нихъ понятіе къ душѣ? Не испытываемъ ли мы многихъ ощущеній вдругъ? Не ввѣряемъ ли мы въ залогъ памяти нашей безчисленнаго множества понятій и словъ, кои въ случаѣ надобности предстаютъ намъ въ чу-

десномъ порядкѣ и ясности? И поелику находятся различные оттенки постепенности между людьми, и что мужикъ гораздо меньше имѣетъ понятія, нежели первостатейный Философъ; то развѣ не можно полагать въ Богѣ всевозможныхъ понятій въ вышшей степени ясности? Скажутъ, что Богу не прилично входить въ такія подробности. Кто такъ говоритъ, тотъ ложное имѣетъ понятіе о величествѣ Божіемъ. Поелику для него нѣтъ ни большаго ни малаго, то нѣтъ также и ничего подлаго и презрѣнія достойнаго въ его глазахъ. На противъ того, весьма прилично свойству вышняго Бытія управлять вселенною такимъ образомъ, чтобъ самомалѣйшія вещи доходили до его знанія, и не происходили бы безъ его соизволенія. Величество Божіе состоитъ въ употребленіи его совершенствъ; но сіи совершенства остались бы безъ употребленія, естьли бы не было промысла его. По крайней мѣрѣ, скажутъ

еще, что страданія честныхъ людей не сообразуются съ правленіемъ Бога мудраго и справедливаго? Съ другой же стороны злодѣи торжествуютъ, и живутъ счастливо и спокойно. Вотъ теперь дошли мы до самыхъ важныхъ возраженій, кои во всѣхъ вѣкахъ были предметомъ преній Язычниковъ, Евреевъ и Христіянъ. Особливо Язычники всякой разъ, какъ случалось что либо противное ихъ желаніямъ, и когда добродѣтель ихъ не получала ожидаемаго ими возмѣздія, Язычники, говорю я, немедленно въ такомъ случаѣ начинали оскорблять подозрѣніями Бога и его промыслъ; и говорили о томъ беззаконнѣйшимъ образомъ. Творенія трагическихъ ихъ стихотворцовъ наполнены сими богохуленіями. На противъ сего представляется мнѣ множество рѣшеній, кои я только что намѣкну, не входя въ подробность.

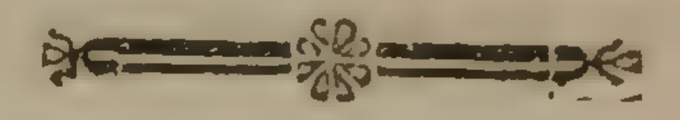
1е. Всѣ тѣ, кои кажутся несчастными людьми, не суть таковы; многіе изъ нихъ имѣютъ только одинъ

видъ благочестія, и дѣянія ихъ не достигаютъ до ихъ сердецъ.

2 е. Самыя добродѣтельнѣйшіе люди не совсемъ безпорочны. 3 е. То, что люди почитаютъ несчастіями, не всегда заслуживаетъ сіе имя; не всегда тотъ несчастливъ, кто долженъ жить въ неизвѣстности; таковыя положенія часто болѣе согласуются съ блаженствомъ нашимъ, нежели знатность и богатство. 4 е. Спокойствіе совѣсти и внутреннѣе удовольствіе, величайшее изъ всѣхъ благъ, довольно можетъ вознаградить невинно страдающаго праведника. 5 е. Слѣдствіе такого страданія полезно, клевета служитъ къ испытанію, и совершенно въ послѣдствіи обращается къ славѣ претерпѣвающихъ оную, обожая десницу ихъ поражающую. 6 е. Наконецъ будущая жизнь обнаружитъ невинность, и наградитъ страданія такимъ благомъ, которое несравненно превосходитъ страданія здѣшней жизни.

Злодѣи съ другой стороны бла-

женствуютЪ, и остаются безЪ наказанія. ВотЪ другое затрудненіе ЯзычниковЪ. На сіе отвѣчаю я слѣдующее: 1е. Многіе злодѣи кажутся счастливыми, но вЪ самомЪ дѣлѣ не суть таковы; они суть игрушки страстей, и добыча безпрестанно возраждающихся зміевЪ раскаянія. 2е. Благіе, коими злодѣи наслаждаются, превращаются часто для нихЪ вЪ ядЪ. 3е. Законы человѣческіе наказуютЪ уже многихЪ злодѣевЪ за ихЪ преступленія. 4е. БогЪ можетЪ терпѣть грѣшниковЪ, и даже осыпать ихЪ благотвореніями, для того ли, чтобЪ обратить ихЪ кЪ себѣ, или вЪ награжденіе за какую либо добродѣтель: великость его требуетЪ, чтобЪ онЪ не мстилЪ непосредственно по оскорбленіи. 5е. Время судебЪ вѣчныхЪ наступитЪ; избѣгнувшіе теперь отЪ мщенія Божественнаго, принуждены будутЪ пить по каплямЪ горькую чашу, уготованную имЪ раздраженнымЪ небомЪ.

О СОЛНЦѢ.

На свѣтѣ ни какого свѣта не можетъ произойти иначе, какъ отъ взаимнаго ударенія, или тренія тѣлъ, или частей сихъ тѣлъ, объ Ееиръ, что подаетъ поводъ догадываться, что Солнце составлено изъ грубѣйшаго вещества, нежели Ееиръ его окружающій: но посредствомъ сего вещества, грубо ли оно, или тонко, твердо, или жидко, Солнце возбуждаетъ движеніе свѣта, которой, хотя сіе свѣтило отдалено отъ земли на 20,222 полудіаметровъ ея, долетаетъ до насъ въ 7 или 8 минутъ. Такимъ образомъ кажется не вѣроятно, что бы Солнце было чистый и свѣтлый огнь, которой насъ согрѣваетъ, сообщая намъ свѣтъ свой и теплоту. Оно можетъ быть также огромнымъ, темнымъ и твердымъ тѣломъ; тѣломъ, которое посредствомъ движенія своего около самаго себя, причиняетъ въ Ееирѣ сіе сильное треніе, въ которомъ состоитъ

скорое движенie свѣта: какъ напримѣръ производятъ свѣтъ ртутные шарики, когда ихъ станешь колебать въ пустотѣ, то есть въ чистомъ Еѳирѣ. Правда, сомнѣваются, чтобъ движенie Солнца около своего средоточiя могло быть довольнымъ для причиненiя въ Еѳирѣ столь скораго сотрясенiя, чтобъ въ такое короткое время доходило оное къ намъ. Поверьхность Солнечная пробѣгаетъ только 2721 футъ въ секунду; что требуетъ однако же движенiя почти въ четверо скорѣйшаго, нежели пушечное ядро; но свѣтъ, говорятъ, движется еще скоръе; однако же сie возраженie не должно здѣсь произвести, какъ только одно мнимое затрудненie: сie есть меньшее движенie сообщаемое Солнцемъ свѣтлому веществу, когда оно учиняетъ его свѣтящимся, нежели образованie, или извѣстное расположенie, въ коихъ оно содержитъ частицы сего вещества, и движенie ихъ.

Полагаютъ, что поперечникъ Солнечный почти въ 50 разъ болѣе земнаго; скорость, съ которою поверьхность сего свѣтила движется, содержится къ скорости пушечнаго ядра, какъ 7 къ 2, съ тою сверьхъ того разностію, что какъ Солнце вертится всегда на одномъ мѣстѣ, то каждый футъ Еѳира, прикасающагося къ окружности Солнечной, поражается сею окружностію 2721 разъ въ секунду: и такъ по сему можно судить, сколько движеніе, сообщаемое сею окружностію Еѳиру, повторяется въ секунду при каждой точкѣ поверьхности Еѳира, получающаго сіе движеніе. Можетъ быть, что отъ сего стремительнаго и безпрерывно повторяемаго взаимнаго ударенія, движеніе сотрясенія, которое Солнце, вращаясь около своего средоточія, сообщаетъ Еѳиру, продолжается въ сей жидкости.

Но сіе единое образованіе движенія Еѳирнаго, можетъ ли одно причинять намъ ощущеніе свѣтлости?

Опытъ научаетъ насъ, что нѣтъ; естьли закроешь окно, чрезъ которое Солнце освѣщаетъ и согрѣваетъ комнату, то свѣтлость мгновенно изчезаетъ. Но, вѣроятно ли, что движеніе сотрясенія, причиненнаго Солнцемъ въ Ефирѣ, можетъ ослабѣть, или скоропостижно престать; не должно ли оно почти столько же продолжаться, какъ и движеніе теплоты, которое въ томъ же самомъ мѣстѣ и тою же самою причиною возбуждено было, и которое продолжается еще долгое время послѣ того, какъ Солнце престало возбуждать и поддерживать оное? Однако же сіе движеніе сотрясенія не способно причинять намъ ощущеніе свѣтлости; слѣдовательно должно, для возбужденія сего ощущенія, частное нѣкое образованіе, которое бы безпрестанно возобновлялось, или, по крайней мѣрѣ, безпрерывно было поддерживаемо дѣйствіемъ Солнца. Но каково сіе образованіе? Оно кажется состоитъ въ нѣ-

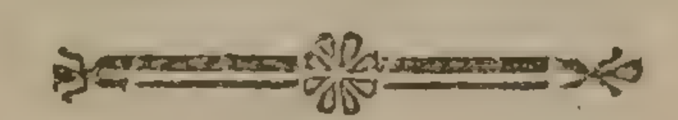
которомъ родѣ движенія лучезарности; ибо, кажется, что дѣйствіе Солнца устремляетъ свѣтъ въ видѣ лучей на насъ, и на отражающіе его къ намъ тѣла.

Но отъ чего же бы происходило, что свѣтъ бываетъ иногда тепелъ, а иногда лишенъ теплоты? Не отъ того ли, что онъ не всегда имѣетъ довольную степень силы и яркости, для произведенія теплоты? Опытъ не только не подтверждаетъ сей догадки; но напротивъ того разрушаетъ оную: свѣтлость блестящаго червяка, напримѣръ, отъ которой нѣтъ ни малѣйшей теплоты, не ярчѣе ли свѣта раскаленнаго желѣза, которой сопровождается чрезвычайнымъ жаромъ? Но для чего же и жаръ не всегда бываетъ свѣтелъ? Не можно также сказать, чтобъ жаръ только тогда не имѣлъ свѣта, когда онъ слабъ, ибо посредственная теплота часто сопровождается сильнымъ свѣтомъ, каковъ напримѣръ Солнечный

свѣтъ, особливо же зимой; такоръ также жаръ соломеннаго огня, бумаги и проч. Часто, напротивъ того, весьма сильный жаръ не производитъ ни малѣйшаго свѣта, какъ напримѣръ, жаръ кипящаго масла, или растопленнаго свинца и олова.

И такъ удобно можно замѣтить по симъ примѣрамъ, что большой жаръ и большой свѣтъ могутъ существовать отдѣленно другъ отъ друга. Сверьхъ того мы увѣрены другими опытами, что ни какое движенiе Ефира не можетъ соединять сихъ двухъ свойствъ, по тому, что собственности ихъ надмѣру противоположны, дабы могли принадлежать одному движенiю: свѣтъ разливается съ чрезвычайною скоростiю, и уменьшается весьма мало по мѣрѣ своего отдаленiя; напротивъ же того, теплота разливается весьма медлительно, и много ослабѣваетъ по мѣрѣ отдаленiя ея отъ фокуса ее произведшаго. Свѣтъ престаетъ мгновенно, какъ скоро при-

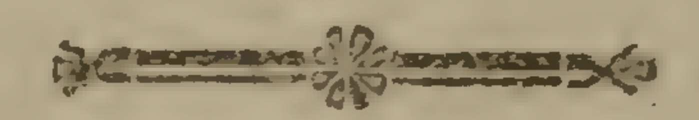
чившая его причина отсутственна; теплота напротивъ того существуетъ долгое время послѣ того, какъ уже причина, родившая оную, не поддерживаетъ ее болѣе своимъ присутствіемъ; погасите дрова, хорошо горящіе въ томъ мѣстѣ, гдѣ ничто, кромѣ оныхъ, не освѣщало, то вы останетесь немедленно въ совершенной темнотѣ; но воздухъ сего мѣста, нагрѣтый дровами, теряетъ свою теплоту мало по малу и почти нечувствительнымъ образомъ.

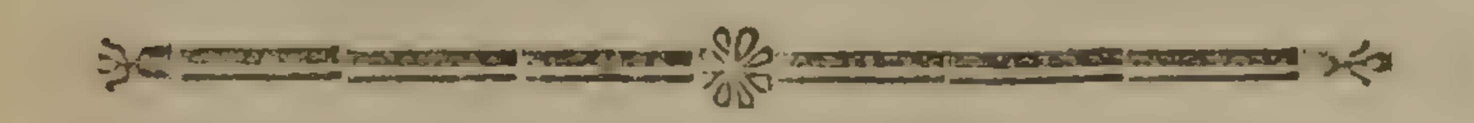
НѢЧТО О ЗВУКѢ.

Звукъ, поражающій слухъ нашъ отъ звѣнящихъ тѣлъ, должно относить къ упругому свойству воздуха; ибо звукъ или стукъ зависитъ отъ упругихъ волнованій сея стихіи, кои причиняются или отъ ударенія, или отъ отренія тѣлъ. Сей воздухъ будучи

сильно и скоропостижно приведенъ въ движеніе, разносится во всѣ стороны, поражаетъ слухъ, и производитъ въ насъ ощущеніе звука: слѣдовательно употребленіе слуха и голоса зависитъ необходимо отъ сотрясенія сея стихіи: безъ посредства воздуха не можемъ мы слышать ни единаго звука; колокольчикъ, поставленный въ Пневматическую машину, и будучи приведенъ въ движеніе, бываетъ неслышенъ, по тому, что находится въ такомъ мѣстѣ, изъ коего вытянутъ весь воздухъ.

СТАТЬЯ ЕКОНОМИЧЕСКАЯ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРЬВОЕ, СОДЕРЖАЩЕЕ ВЪ СЕБѢ ЛѢКАРСТВА ОТЪ РАЗНЫХЪ БОЛѢЗНЕЙ.

О ЛѢКАРСТВЕННЫХЪ СВОЙСТВАХЪ ГОРЧИЦЫ.

Толченыя горчичныя сѣмяна, смѣшанныя съ равнымъ количествомъ овсяной муки, и разведенныя въ довольномъ количествѣ уксуса, естьли приложишь ихъ къ мѣстамъ подагрою одержимымъ, причиняютъ жаръ и раздраженіе, за коими слѣдуетъ потъ и великое облегченіе. Но не худо прежде употребить кровопусканіе, по мѣрѣ ощущаемой боли.

Горчичный пластырь выгоняетъ

подагру изъ груди во внѣшнія части. Горчицу прикладываютъ за ушми, для отвращенія простуды, причиняющей почасту зубную, головную и даже глазную боль. Нѣкоторые принимаютъ внутрь горчичное сѣмя въ четверодневныхъ лихорадкахъ. Наѣвшимся вредныхъ грибовъ даютъ принимать въ бѣломъ винѣ горчицы. Страждущіе зубами съ великою пользою могутъ жевать оную. Она весьма полезна отъ удушья; очищаетъ мокроту, и споспѣшествуетъ истеченію мочи и мѣсячныхъ кровей. Разведенная съ водою выгоняетъ она пятна съ кожи человѣческой. Она весьма полезна старымъ и мокротнымъ людямъ, во время зимы и сырой погоды; превосходное лѣкарство отъ цынги, что неоднократными опытами изведано.

Толченая и съ медомъ приложенная горчица, сгоняетъ синія пятна, отъ убоевъ приключающіяся. Приложенная съ уксусомъ исцѣляетъ отъ ядовитыхъ угрызеній. Въ пищу упо-

требляемая укрѣпляетъ желудокъ, и препятствуетъ несваренію онаго.

Горчичное сѣмя полезно задумчивымъ людямъ, подверженнымъ ипохондрическимъ припадкамъ. Оно весьма облегчаетъ людей, жалующихся тягостію головы и изобильною мокротою. Въ такихъ случаяхъ надлежитъ жевать оное, истолокши крупненько, и завернувъ въ узелокъ, держать оной во рту, отъ чего пойдетъ изобильная мокрота. Сіе же самое средство весьма полезно тѣмъ людямъ, коимъ угрожаетъ параличь, или разслабленіе; также и женщинамъ, подверженнымъ истерическимъ припадкамъ. Горчица, обыкновеннымъ порядкомъ приготовленная, и поднесенная къ носу людей одержимыхъ обморокомъ, приводитъ ихъ въ чувство и облегчаетъ немедленно.

Перегнанное горчичное сѣмя съ бѣлымъ виномъ и съ гвоздикою, неминуемо излѣчаетъ отъ головной боли, происходящей отъ холодной причины.

Горчичный пластырь.

Изрѣжь и изруби мѣлко пырою(*), поджарь его съ крѣпкимъ уксусомъ. Когда поспѣетъ, то посыпь его горчичнымъ толченымъ сѣмемъ; и приложи все сіе къ мѣстамъ одержимымъ рюматисмомъ или ломомъ въ костяхъ, отъ простуды приключающемуся. Сіе также превосходное есть лѣкарство отъ такъ называемой сіятики или лому въ бедрахъ, и отъ всякихъ затвердѣлыхъ опухолей. Сей пластырь имѣетъ великую разводительную и проницательную силу, и можно употреблять оной вмѣсто Шпанскихъ мухъ: положи только большее количество горчицы.

О ЛѢКАРСТВЕННЫХЪ СВОЙСТВАХЪ ПОЛЫНИ

Сія трава почитается превосходнымъ желудочнымъ лѣкарствомъ. Употреб-

(*) Родъ луку, называемаго иначе Шпанскимъ чеснокомъ.

леніе оныя обыкновенно предписывается для укрѣпленія желудка, поправленія его соковъ, возвращенія позыву къ пищѣ, и истребленія кислоты. Съ чеснокомъ употребляется она отъ маточныхъ припадковъ или истерики. Споспѣшествуетъ истеченію мѣсячныхъ кровей; гонитъ мочу; разводитъ завалы въ печенкѣ, въ селезенкѣ и въ прочихъ внутреннихъ частяхъ; излѣчаетъ отъ желтухи и отъ вѣтренаго колотья; остановляетъ поносъ, и пригодна во всѣхъ почти продолжительныхъ или хроническихъ болѣзняхъ. Достовѣрные Врачи утверждаютъ, что они излѣчали водяную болѣзнь сею одною травою. Она прогоняетъ лихорадку; въ такомъ случаѣ надлежитъ употреблять сокъ ея, или выпяжку (екстрактъ); для учиненія же сего лѣкарства дѣйствительнѣйшимъ, прибавляется къ нему иногда часть хины: пріемъ выпяжки полынной въ лихорадкахъ долженъ состоять изъ одной драхмы, то есть

поменьше Русскаго золотника; соку же выжатаго изъ листьевъ, поелику онъ не такъ крѣпокъ, то надлежитъ принимать онаго по двенадцати золотниковъ, въ началѣ лихорадочнаго припадка: такъ же не худо класть по горстѣ полынныхъ листьевъ въ похлебки. Полынь имѣетъ свойство разводительное и противогнильное.

Отъ шуму въ ушахъ, совѣтуютъ впускать въ оныя полыннаго соку, съ бычачьею желчїю смѣшаннаго. Сей же сокъ весьма полезенъ отъ ужаленія змеи.

Полынный взваръ въ морской водѣ, а за неимѣніемъ въ простой соленой, есть превосходное лѣкарство отъ Антонова огня, естьли станешь оною почасту примачивать зараженное имъ мѣсто. Для умерщвленія глистовъ въ дѣтяхъ, должно смѣшать полыннаго соку съ бычачьею желчїю, съ сабуромъ и съ сажею; сдѣлать изъ того пластырь, и приложить къ пупку.

Полынь кладется въ пиво во время варенія онаго, для приданія ему ароматической горькости; при томъ же такое пиво здоровѣе обыкновеннаго и не портится. Испорченное же пиво поправляется полынною солью.

Многіе хорошіе наблюдатели говорятъ, что худощавые люди не должны употреблять сего растенія, коея горячительное и ѣдкое свойство можетъ истощить питательной сокъ. Не надлежитъ также употреблять оную, когда чувствуешь сильной жаръ въ желудкѣ и воспаленіе; ибо отъ сей травы оное бы еще умножилось; и увѣряютъ, что въ такомъ случаѣ она причиняла часто сухотку.

Можно употреблять полынь на подобіе чаю съ сахаромъ. Но великая горькость сея травы есть причиною, что ее употребляютъ по большой части въ винѣ въ сиропахъ, въ консервахъ, такъ же дѣлаютъ изъ нее вытяжку, добываютъ соль, масло, тинктуру и проч.

Полынное вино или водка дѣлается настаиваніемъ сея травы въ винѣ или въ водкѣ.

Полынной сиропъ полезенъ для умѣренія чрезмѣрнаго апетита, которой приписывается изобильной мокротѣ.

Для остановленія сильной рвоты, весьма хорошо принять десять грановъ соли сея травы въ лимонномъ сиропѣ.

Деревянное масло, настоянное съ полынью, хорошо отъ глистовъ: онымъ должно терѣть животъ и пупокъ дѣтямъ; и прикладывать къ пупку хлопчатую бумагу, напитанную симъ масломъ.

АНИСЪ.

Анисъ унимаетъ рвоту, гонитъ мочу, придаетъ весьма много молока кормилицамъ, отъ него созрѣваютъ скорѣе всякаго рода опухоли. Такъ

же служитъ превосходнымъ средствомъ отъ икоты.

Употребленіе сего сѣмяни по утрамъ весьма полезно для тѣхъ, кои подвержены частому рѣзу въ животѣ и въ желудкѣ, для тѣхъ, у коихъ дурно пахнетъ изо рта, и кои желаютъ имѣть цвѣтъ въ лицѣ. Послѣ обѣда анисъ помогаетъ варенію желудка, придаетъ ему жару, и очищаетъ отъ сырости. Того ради употребляютъ его многіе послѣ кушанья для отвращенія несваренія пищи. Анисъ укрѣпляетъ зрѣніе, утоляетъ жажду, причиненную солеными мокротами. Онъ хорошь отъ заваловъ, а особливо въ печенкѣ и въ селезенкѣ, когда онъ произходитъ отъ мокроты. Драхма анису, распущенная въ двухъ драхмахъ Александрійскаго листу, изгоняетъ вѣтры, утоляетъ колику и поносъ. Можно употреблять его въ промывательныхъ, варя его съ тѣми травами, изъ коихъ оно дѣлается. Одинъ скрупулъ толченаго въ

порошокъ анису, естьли дашь его въ первой ложкѣ кашки или въ похлебкѣ ребенку, излѣчаетъ его отъ рѣзу въ животѣ. Хлѣбъ, испеченный съ анисомъ, здоровѣе обыкновеннаго.

Масло, добываемое изъ анису посредствомъ выжиманія, или перегонянія, есть превосходное лѣкарство отъ вѣтреной колики и отъ удушья; пріемъ онаго состоитъ изъ осьми до десяти каплей въ рюмкѣ вина, или другаго какого напитка.

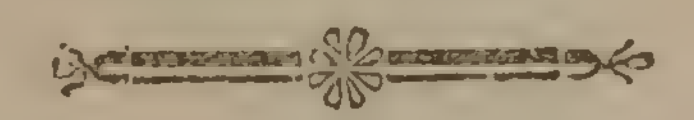
Масло, ессенція и спиртъ анисный.

Положи хорошаго зеленаго анису съ водою въ стеклянной кубъ, и закрывъ его плотнѣе, поставь на цѣлую ночь въ горячую золу; потомъ перегони его на тихомъ угольномъ огнѣ, которой старайся держать всегда въ равной степени, дабы жидкость, въ немъ содержащаяся, не поднелася къ кубовой крышкѣ. Когда въ пріемномъ сосудѣ увидишь около половины количества въ кубѣ находящейся

воды, то перестань гнать. Посредствомъ сего получишь весьма легкое масло, крѣпкаго и пронзительнаго запаха; и которое плаваетъ сверхъ оставшейся воды.

Сія флегма удерживаетъ всегда часть запаха аниснаго. Сіе называется анисовою водою; и приписывается ей почти то же дѣйствіе, какъ и маслу; но надлежитъ принимать ее въ гораздо большомъ количествѣ.

Изъ аниса такъ же выжимаютъ масло, цвѣтомъ зеленое. Оно имѣетъ то же дѣиствіе, что и перегнатое, но не столь поспѣшное. Въ особливости хорошо оно отъ икоты

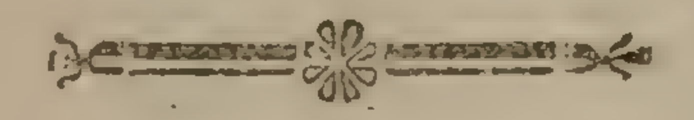

РОМАШКА.

Изъ ея цвѣтовъ дѣлается взваръ, которой съ великою пользою употребляется отъ Антонова огня, естьли станешь онымъ терѣть больныя мѣста, такъ же отъ ріюматисму и отъ

поврежденнаго пузыря. Ее пьютъ вмѣсто чаю, для возбужденія мѣсячныхъ кровей; она облегчаетъ въ тяжелыхъ родахъ, изгоняетъ песокъ изъ почекъ и изъ пузыря, излѣчаетъ отъ желтухи, и разводитъ всякіе печоночные завалы. Изъ сѣмянъ ея выжимаютъ масло, удобное для жженія, и весьма дѣйствительное отъ лошадиныхъ сту-желей. Въ гнилыхъ горячкахъ можно съ пользою употреблять ромашковые цвѣты вмѣсто чаю; но точно утвѣрждено. Поелику ромашка имѣетъ свойство крѣпительное, противосудорожное и противогнилое; то употребляемая она такимъ же образомъ, то есть вмѣсто чаю, есть превосходное лѣкарство отъ кроваваго поносу, или для утоленія рѣзу, отъ онаго бывающаго. Противогнилое свойство ея почти столь же дѣйствительно, какъ и хины. Господинъ Принглъ посыпалъ ромашковыми цвѣтами часть говядины во время величайшихъ лѣтнихъ жаровъ; мясо сіе долгое время лежало,

не испуская ни малѣйшаго дурнаго запаху; и сдѣлалось столь сухо и твердо, что казалось неудобнымъ къ согнитію. Но вотъ что еще удивительнѣе: взяли часть ощутительно испортившагося мяса, и вытянувъ изъ него воздухъ, положили въ ромашковой настой, отъ чего чрезъ нѣсколько дней дурной запахъ совершенно пропалъ, и то же самое мясо, будучи послѣ того положено въ свѣжій такой же настой, пролѣжало въ немъ цѣлый годъ совершенно твердо и невредимо.

ЧЕСНОКЪ.

Хотя лишнѣе употребленіе чесноку вредно, ибо надмѣру горячитъ и причиняетъ боль въ головѣ; но во многихъ болѣзняхъ и припадкахъ весьма полезно сіе растеніе.

Многіе утверждаютъ, что ежели въ лихорадкѣ въ началѣ озноба,

истолокши чесноковку и смѣшавъ ее съ тридцатью гранами смиоковаго порошка въ рюмкѣ бѣлаго вина, дашь сіе выпить больному; то лихорадка пройдетъ.

Были тому многіе примѣры, что излѣчали застарѣлый кашель, отъ простуды произшедшій, натирая подошвы, спину и руки мазью, сдѣланною изъ толченаго рѣпчатаго чесноку съ свинымъ жиромъ. Отъ зубной боли, происходящей отъ простуды, хорошо держать во рту чесночнаго уксусу, или взвару изъ сего растенія: нѣкоторые на больной зубъ кладутъ раздавленаго чесноку и напитаннаго уксусомъ. Порцій совѣтуетъ военнымъ людямъ, кои долго принуждены иногда быть на стужѣ и сырости, чтобъ они натерли сырымъ чеснокомъ тарелку, потомъ покрывъ ее ломтями хлѣба, полили бы оной горячею водой, распустя въ оной прежде немного соли и коровьяго масла, и съѣсть сіе кушанье колико можно

горячее. Въ дорогѣ весьма полезно употреблять чеснокъ, для предохраненія себя отъ простуды и сыраго воздуха.

Сказано уже прежде, сколь полезенъ чеснокъ отъ мозолей (*)

Нѣкоторые, истолокши чеснокъ, и смѣшавъ его съ оливковымъ масломъ, употребляли съ пользою сію мазь, для пресѣченія начинающагося рака. Противный запахъ, испускаемый сею смѣсью, заставилъ назвать ее чортовою горчицею.

Чесношный взваръ, употребляемый вмѣсто промывательнаго, или приложенный къ животу, весьма полезенъ отъ вѣтреной колики, естьли сверьхъ того станутъ онымъ полегоньку терѣть животъ. Г. Шомель, издатель Економическаго Французскаго словаря, говоритъ, что онъ былъ очевиднымъ свидѣтелемъ излѣченія чеснокомъ жестокой колики, пятеро сутокъ продолжавшейся, и которой не помогли ни какія лѣкарства; но

(*) Часть V. стран. 64.

какъ скоро больному дали принять три чесночныя головки, раздавленныя и смѣшанныя съ стаканомъ бѣлаго вина; то оная почти въ ту же минуту миновалась. Онъ говоритъ такъ же, что вмѣсто вина можно съ чеснокомъ употреблять и теплое молоко. Иные же, изрубивъ крупно чесноковку, кладутъ ее въ теплую воду, и даютъ пить оную большими стаканами отъ рѣзу въ животѣ и отъ вѣтреной колики.

Нѣкоторые Авторы совѣтуютъ пить молоко, вскипятя прежде въономъ двѣ или три головки чесноку, для утоленія боли, причиняемой каменною болѣзнію. Утверждаютъ даже, что чеснокъ удобенъ разбивать камень, и згонять его изъ почекъ и пузыря; особливо ежели больной будетъ пить каждой вечеръ, ложась спать, по стакану бѣлаго вина, съ примѣшанною къ нему чесночною головкою.

Въ прочемъ надлежитъ вѣдать,

кто не должно употреблять чесноку въ кровохарканіи, такъ же, естьли кто чувствуетъ внутренній жаръ, и вообще, естьли кто чувствуетъ необыкновенное волненіе въ крови.

Чеснокъ, сваренный съ масломъ, и приложенный къ крестцу, излѣчаетъ отъ запору мочи.

Для умерщвленія глистовъ, кладется чеснокъ съ коровьимъ масломъ смѣшанный, дѣтямъ на животъ. Можно такъ же съ пользою терѣть имъ пупокъ вышеписанною чертовою горчицею.

Чеснокъ съѣдаетъ желудочную сырость, придаетъ апетиту; и въ нѣкоторыхъ случаяхъ облегчаетъ отъ удушья, способствуя слюнотеченію.

Его полагаютъ въ числѣ противоцынготныхъ растеній.

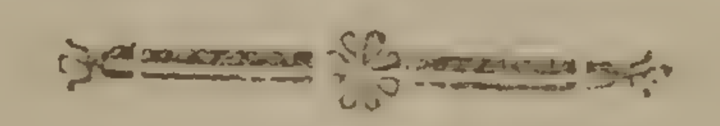
Онъ весьма сильно исправляетъ испорченный и заразительный воздухъ. По чему и названъ крестьянскимъ Ѳеріакомъ; ибо многіе крестьяне ѣдятъ его натощакъ въ семъ намѣреніи. Во

время мороваго повѣтрія ѣдятъ его съ уксусомъ: или употребляютъ одинъ уксусъ, настоянный съ чеснокомъ, или съ сокомъ онаго. Лучшее лѣкарство для зараженныхъ язвою, состоитъ въ томъ, чтобъ произвести въ больныхъ потъ, что и произойдетъ, естьли дашь имъ двенадцать золотниковъ, въ питье употребляемаго меду, вскипятя въономъ чесноку. Многіе держатъ во рту чеснокъ, когда должно находиться съ одержимыми какою либо заразительною болѣзнію.

Порцій совѣтуетъ военнымъ людямъ ѣсть чеснокъ, когда они принуждены бываютъ пить дурную воду.

Чеснокъ употребляется также, яко предохранительное средство отъ скотскихъ заразительныхъ болѣзней.

Его прикладываютъ къ укушеннымъ мѣстамъ бѣшеною собакою, или другими ядовитыми животными.

РѢПЕЙНИКЪ или ЛАПУШНИКЪ.

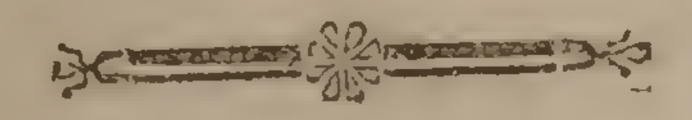
Корень сего растенія есть превосходное лѣкарство отъ язвы. Естьли его высушишь, истолчешь и выпьешь въ винѣ; то онъ изгоняетъ весь ядъ изъ внутренности, посредствомъ весьма изобильнаго пота. Порошокъ сего корня въ винѣ, весьма спасительное имѣетъ дѣйствіе, естьли дать его принять женщинѣ, у которой долго не выходитъ мѣсто, отъ чего часто женщины умираютъ, или претерпѣваютъ несносную боль. Сей же порошокъ истребляетъ глистовъ, исцѣляетъ гнилыя раны и чирьи, такъ же лошадиныя шолуди: давая или внутрь принимать онаго, или употребляя наружно съ сокомъ, или взваромъ самой сей травы. Вообще сей корень имѣетъ свойство сердцекрѣпительное, пототворное, нѣсколько стягивательное и живительное. Его употребляютъ въ удушьѣ; отъ каменной болѣзни, отъ кровохарканія, отъ опу-

холи селезенки, и отъ застарѣлыхъ ранъ. Взваръ изъ онаго есть превосходное лѣкарство въ гнилыхъ горячкахъ и въ оспѣ. Естьли у ково случится нарывъ внутри, то весьма полезно употреблять репейный корень, вскипѣченный въ водѣ, изрѣзавъ его кусками, для выгнанія пѣску изъ почекъ, пьютъ взваръ изъ сего корня, или ѣдятъ его варенный въ сахарѣ. Можно также съ великою пользою употреблять его въ чахоткѣ, давая принимать по одной драхмѣ съ нѣсколькими еловыми шишками.

Латуховые толченые листья прикладываемые къ ранамъ, на ногахъ бывающимъ, въ нѣсколько дней оными залѣчиваются. Ихъ прикладываютъ также къ вывихнутымъ составамъ, и къ обожженнымъ мѣстамъ. Взявъ сихъ свѣжихъ листьевъ, и обтерѣвъ только ихъ просто салфеткою, прикладывать къ лупамъ или шишкамъ, бывающимъ на затылкѣ, на животѣ, на шеѣ, или иныхъ мѣстахъ;

сіи листья вытягиваютъ изъ нихъ мокроту, и весьма скоро совершенно истребляютъ сіи шишки: иногда случается, что чрезъ многіе дни не видно ни малаго успѣха; но для сего не должно переставать прикладывать ихъ; но перемѣнять свѣжіе раза три въ сутки, смотря по количеству вытягиваемой ими мокроты. Естьли станешь прикладывать сихъ листьевъ къ раку, хотя онъ уже и открылся; то отъ нихъ уменьшается боль, и очищается рана. Испеченные подъ золою сіи листья, съ великою пользою прикладываются къ подагрѣ. Перегнатая лапуховая вода, принимаемая внутрь, полезна отъ истерики.

Сѣмя почитается превосходнымъ камнеразрушительнымъ, принимая онаго по драхмѣ, настояннаго въ бѣломъ винѣ, или въ водѣ сего же растенія истолченнаго. Нѣкоторые совѣтуютъ принимать сіе сѣмя въ порошкѣ отъ сіятики сорокъ дней сряду.

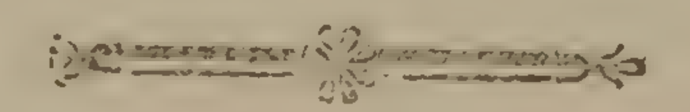

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ,

СОДЕРЖАЩЕЕ ВЪ СЕБѢ РАЗНЫЯ ПОЛЕЗНЫЯ ОТКРЫТІЯ, ВООБЩЕ ДО ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА КАСАЮЩІЯСЯ.

СПОСОБЪ УДАБРИВАТЬ САМЫЯ НЕГОДНЫЯ ЗЕМЛИ.

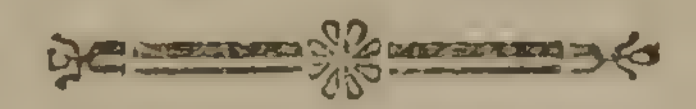
Должно засѣять такую землю рѣдькою, и когда пойдетъ нѣсколько въ силу; то велѣть эту землю хорошенько вспахать, и такимъ образомъ повторять раза два или три, и потомъ можно ожидать богатой жатвы съ сей земли. Чѣмъ больше посѣешь рѣдьки, тѣмъ земля будетъ лучше.

СРЕДСТВО ОТЪ КЛОПОВЪ.

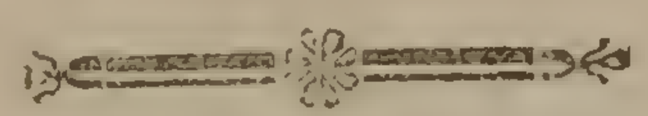
Возми дождевой воды, и поставь ее на нѣсколько недѣль въ теплое и закрытое мѣсто; когда же она протух-

нетъ, то оботри ею всѣ тѣ вещи и стены, гдѣ водятся клопы, отъ чего они всѣ помрутъ.

СПОСОБЪ РАСПУСКАТЬ ОЛОВО,
для дѣланія изъ онаго крѣпкой водки, употребляемой красильщиками.

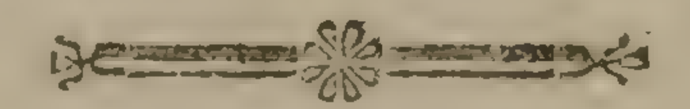
Возми чистаго олова, налѣй на него сперьва немного чистой воды, потомъ влѣй туда обыкновенной крѣпкой водки, которая его распуститъ въ короткое время. Сей растворъ имѣетъ молочный цвѣтъ, и надлежитъ его еще развести, прибавляя по немногу крѣпкой водки, пока онъ сдѣлается чистъ. Обыкновенно кладется полтора золотника олова на 6 золотниковъ крѣпкой водки.

СПОСОБЪ КРАСИТЬ ШЕРСТЬ ВЪ АЛУЮ КРАСКУ.

Возми одинъ лотъ бѣлилъ, три унціи съ половиною мышьяку, фунтъ

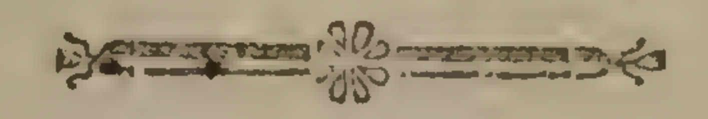
жженаго виннаго камня, и фунтъ квасцовъ: въ семъ составѣ кипѣти ту вещь, которую желаешь окрасить, два часа: послѣ чего вынь и развѣсь. На другой день сдѣлай краску изъ двухъ фунтовъ марены, четверти фунта орлеанской водки, двухъ унцій желтаго инбирю, и трехъ унцій крѣпкой водки.

СПОСОБЪ КРАСИТЬ ШЕЛКЪ, или хлопчатую бумагу въ алую краску.

Возми на фунтъ шелку, бумаги или шерсти, унцію виннаго камня, и полъунціи бѣлаго крахмалу; вскипѣти ихъ вмѣстѣ въ чистой водѣ; потомъ положи туда двѣ драхмы канцелярскаго сѣмя, драхму крахмалу и двѣ драхмы олова, распущеннаго въ полъунціи крѣпкой водки, и смѣшаннаго съ чистою водою, какъ выше сказано: когда вода покипитъ нѣсколько времени

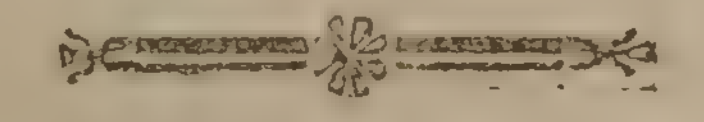
съ крахмаломъ и виннымъ камнемъ, то вливъ ее въ помянутое канцелярское сѣмя и крѣпкую водку: положи въ оное шелкъ, или что другое, и получишь отмѣнный алый цвѣтъ.

КАКЪ КРАСИТЬ ШЕРСТЬ ИЛИ ЛЬНЯНОЕ ПОЛОТНО ВЪ ФІОЛЕТОВУЮ КРАСКУ,

которая никогда не линяетъ.

Возми фунтъ виннаго камня, полфунта квасцовъ, двѣ унціи фернамбуку и полъунціи селитры; вскипѣти ихъ вмѣстѣ, и давъ немного остыть, положи туда матерію, которую и оставь тамъ на четыре часа, въ продолженіе коихъ надлежитъ наблюдать, чтобъ краска была горяча, но отнюдь чтобъ не кипѣла: послѣ сего вынь матерію, выполощи хорошенько, и дай высохнуть.

РАЗНЫЯ ПРЕДОХРАНИТЕЛЬНЫЯ СРЕДСТВА ОТЪ СКОТСКАГО ПАДЕЖА.

Въ Пруссіи въ 1764 году употребляли съ вожделеннѣйшимъ успѣхомъ, во время падежа рогатаго и прочаго скота, которой во всѣхъ почти странахъ валился, слѣдующее весьма простое лѣкарство.

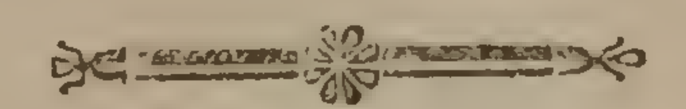
Когда примѣчали, что скотина не хочетъ ѣсть, то обвязывали ей шею веревкою, къ которой прицѣплены были многія чесночныя или луковыя головки. Чрезъ нѣсколько дней послѣ того, изъ ноздрей скотины вытекало великое множество мокроты или гною, ноги у нее пухли; но чрезъ нѣсколько дней всѣ сіи припадки исчезали, и скотина исцѣлялась.

2. Въ Англіи съ такимъ же успѣхомъ, въ заразительныхъ скотскихъ болѣзняхъ, окуривали скотину кипящимъ дегтемъ.

3. Предъупреждали также дѣйст-

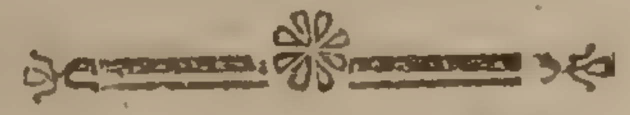
вїе скотскихъ заразительныхъ болѣзней, давая скотинѣ слѣдующаго слабительнаго: возми два лота стружекъ оленьяго рога, столько же корицы, горсть соли и Александрїйскаго листа, два или три листка чемерицы, и 12 зол. леденцу. Вскипѣти все сїе вмѣстѣ, и простудя дай выпить скотинѣ поутру натощакъ.

4. Самое вѣрнѣйшее средство для предохраненїя скота отъ язвы, состоитъ въ томъ, чтобъ давать имъ внутрь, и окуривать водкою, или виномъ, смѣшаннымъ съ уксусомъ.

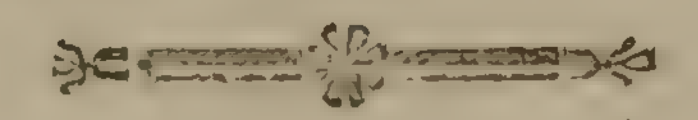
ПРОСТОЙ СПОСОБЪ ПРЕДОХРАНЯТЬ ВИНОГРАДНОЕ ВИНО ОТЪ ОКИСАНIЯ.

Въ Мартѣ мѣсяцѣ возми двѣ глубокихъ тарелки хорошаго рѣчнаго пѣску, вымой его, и высушивъ на солнце или въ печи, брось въ бочку.

Чтобъ вино не портилось и не мутилось.

Положи въ бочку одинъ лотъ сѣрнаго масла.

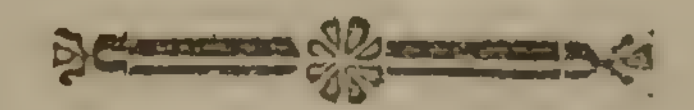

КАКЪ ЗОЛОТИТЬ БЕЗЪ ЗОЛОТА.

Возьми два лота нашатырю, простой ртути одинъ лотъ; положи то и другое въ плавильной горшокъ, покрой, и помажь его хорошенько, чтобъ ртуть не могла вылетѣть парами: поставь на полчаса на тихой огонь, потомъ увеличивай огонь до тѣхъ поръ, пока горшокъ раскалится, тогда снявъ съ огня выбрось находящійся въ немъ составъ въ холодную воду. Когда сія матерія простынетъ; то сдѣлается тверда какъ камень, ее должно истолочь, и развести на камедной водѣ.

Иначе.

Возми яичной желтокъ, четыре лота ртути, два лота нашатырю, истолки его въ порошокъ и смѣшавъ со ртутью, положи въ стеклянной плотно заткнутой сосудъ, и зарой въ теплой навозъ на двадцать четыре часа.

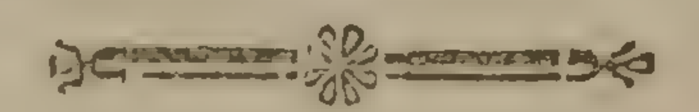

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ, СОДЕРЖАЩЕЕ ВЪ СЕБѢ РАЗНЫЯ КУШАНЬЯ.

О РАЗЛИЧНЫХЪ СОУСАХЪ.

СОУСЪ СЪ БАРАНИНОЮ.

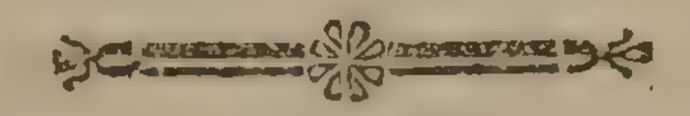
Положи въ кастрюльку искрошеннаго ешалоту и немного чесноку, раздави чеснокъ вмѣстѣ съ ешалотомъ, влѣй туда ложку бульону, и разболтай; потомъ прибавь двѣ ложки кулишу, соли и перцу; дай имъ покипѣть, процѣди его сквозь сито въ другую кастрюльку; прежде, нежели будешь подавать, разогрѣй немножко.

СОУСЪ, ВОЗБУЖДАЮЩІЙ АПЕТИТЪ.

Возми всякаго рода мѣлкихъ травъ, къ приправѣ салата употребляемыхъ,

каждой по препорцiи, смотря на ея силу, очистивши ихъ и вымывши, положи съ тремя ешалотами, дай всему поджариться немножко на сковородѣ, и послѣ положи въ свѣжую воду; потомъ выжавши ихъ хорошенько, и столокши помѣльчѣ въ иготи, положи въ кастрюльку, влѣй ложку бульону, и двѣ ложки кулишу, разболтай все, и процѣди сквозь сито въ другую кастрюльку; положи туда соли, цѣльнаго перцу, небольшой кусочикъ масла и ложку горчицы, дай сгуститься соусу, только чтобъ онъ не вскипѣлъ.

БѢЛОЙ СОУСЪ СКОРОМНОЙ И ПОСТНОЙ.

Когда скоромной соусъ похочешь дѣлать; то положи въ кастрюльку окорошнаго бульону; естьлижъ постной, то постнаго, хлѣбнаго мякишу, пучокъ петрушки, цибули, чесноку, еша-

лоту, тмину, лавроваго листу, базилики, гвоздичныхъ головокъ, немножко мушкату, нѣсколько цѣлыхъ грибовъ, стаканъ бѣлаго вина, соли и перцу, вари все вмѣстѣ, и дай упрѣть до половины, процѣди соусъ сквозь сито, чтобъ сдѣлать изъ него кулишь; когдажъ начнешь его употреблять, то положи туда три яишные желтка съ сливками, дай сгуститься на огнѣ, и смотри, чтобъ они не свернулись. Можешь употреблять сей соусъ для всякаго мяса и рыбы.

ПРОСТОЙ СОУСЪ.

Положи въ кастрюльку Прованскаго масла, ешалоту и искрошенныхъ грибовъ, двѣ цѣльныя головки чесноку. Поставь кастрюльку на огонь, положи туда щепоть муки, и потомъ размочи бульонъ стаканомъ бѣлаго вина, положи соли, цѣльнаго перцу, пучокъ петрушки, и цибули, вари

сей соусъ на маленькомъ огнѣ полчаса, сними съ него жиръ, и оставь столько Прованскаго масла, сколько потребно, чтобъ соусъ твой хорошо уварился и былъ-бы соченъ; вынь пучокъ травъ, и двѣ головки чесноку, подавай, съ чѣмъ за благо разсудишь.

РОБЕРТОВЪ СОУСЪ.

Положи въ кастрюльку небольшой кусочекъ масла со столовую ложку, поджарь его на маленькомъ огнѣ; когда же оно хорошо поджарится, то положи туда три луковицы, искрошенныя весьма мелко, и масла, сколько потребно, чтобъ лукъ поджарился, послѣ полѣй бульономъ, сними жиръ съ соусу, и вари его полчаса; когдажъ будешь подавать, положи туда соли, цѣльнаго перцу, немного уксусу и горчицы, употребляй сей соусъ съ свѣжею свининою и Индѣйскимъ пѣтухомъ.

ЛИМОННОЙ СОУСЪ.

съ мясомъ разнаго рода, а особливо съ жаренымъ и съ дичью.

Возми кусокъ ржанаго хлѣба съ толстою коркою, поджарь его, потомъ свари въ винѣ, процѣди, и подавай съ корицею и сахаромъ.

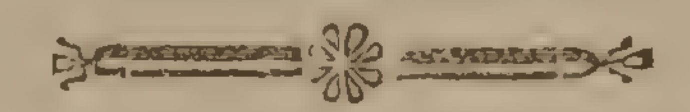
ЖЕЛТОЙ ЛИМОННОЙ СОУСЪ.

Взязъ кусокъ масла обмытаго, нѣсколько муки, четыре желтка яишныхъ, желтую корку съ двухъ или трехъ лимоновъ, истереть оные, сокъ выдавить, но только безъ зеренъ, и все сіе на сковородѣ смѣшать съ нѣкоторою частію воды, и какъ будетъ умѣренной жидкой соусъ, то положить сахару довольно, чтобъ подсластить его; когда же соусъ виномъ и лимоннымъ сокомъ недовольно разжидится, то можно въ него положить немного Ренскаго уксусу.

ШОКОЛАДНОЙ СОУСЪ.

Взявъ кусокъ мытаго масла, или четыре желтка яишные, а вмѣсто муки четверть фунта мѣлко истолченнаго шоколаду, смѣшать все сіе на сковородѣ, потомъ влить вина и воды: когда же отъ шоколаду не будетъ довольно сладко, то прибавь сахару. Сей соусъ можно готовить съ пудингомъ, съ молодыми цыплятами, голубями и проч.

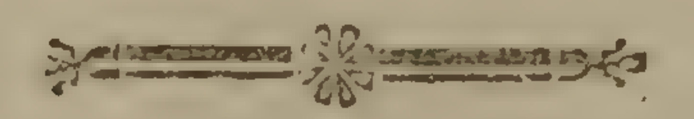

СОУСЪ СО СЛИВКАМИ.

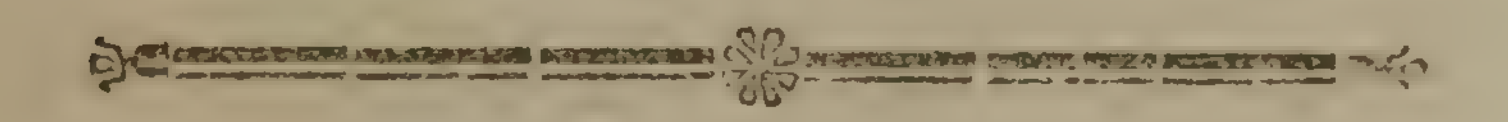
Положи въ кастрюльку небольшой кусокъ масла, петрушки, цибули, ешалоту, что все искроши, и одну головку чесноку, поставь все ето на огонь, положи туда хорошую щепоть муки, размочи сливками или молокомъ, вари четверть часа, про-

цѣди соусъ сквозь сито въ другую кастрюльку; когда же будешь подавать, то положи туда небольшой кусочекъ хорошаго масла, щепоть обѣленной и весьма мѣлко искрошеной петрушки, соли и цѣльнаго перцу, дай сгуститься соусу на огнѣ. Можешь употреблять сей соусъ со всякимъ бѣлымъ мясомъ.

Окончаніе будетъ въ слѣдующей части.

СТАТЬЯ НРАВОУЧИТЕЛЬНАЯ

О СЛѢДСТВІЯХЪ НѢГИ И СКУПОСТИ.

Большая часть рукодѣлій, художествъ и способовъ, служащихъ къ содержанію себя въ обществѣ, происходятъ или отъ любви къ забавамъ, или отъ страха бѣдности. Когда же сіи страсти содѣлавшись надмѣру сильными, выходятъ изъ своихъ предѣловъ; то перерождается одна въ *нѣгу*, а другая въ *скупость*. Поелику сіи два начала всѣхъ нашихъ свѣтскихъ суетъ слѣдуютъ противными другъ другу путями; то Персъ (*) весьма пріятнымъ образомъ представляетъ намъ ихъ въ видѣ юноши; ,, коего *скупость* жела

(*) Сатира V. стихъ 132 155.

„етъ стащить съ постѣли, и заста-
„вить предпріять продолжительное и
„трудное путешествіе; но *нѣга* от-
„вращаетъ его отъ сего намѣренія,
„и оставляетъ дома.„ Мѣсто сіе
столь живо и сильно изображено, что
я разсудилъ все оное здѣсь включить.
„Ты спишь спокойно все утро: вста-
„вай! вставай скорѣй, сказала *ску-*
„*пость*. Какъ? ты и пошевелиться не
„думаешь? Вставай, говорю я тебѣ.—
„Ахъ! мнѣ не хочется.— Нужды
„нѣтъ, вставай.— Мнѣ такъ здѣсь
„покойно. Для чего же мнѣ вста-
„вать! — Какъ для чего? Садясь
„на твой корабль, пускайся въ море;
„возвратись сюда, наполнивъ его бо-
„бробыми мѣхами, драгоцѣннымъ де-
„ревомъ, пенькою, ладаномъ, изящны-
„ми винами острова Ко. Сними съ
„нихъ большихъ верблюдовъ, перецъ,
„коимъ они нагружены; мѣняй, лги,
„божись понапрасну. Перестань коле-
„баться.— Но Юпитеръ..... Вотъ
„тебѣ разъ! Юпитеръ! Какъ ты

„простъ! Естьли ты желаешь уго-
„дить Юпитеру; то во весь свой
„вѣкъ будешь нищій. Услышавъ сіе,
„ты вспрыгнешь съ постѣли, поспѣш-
„но сбираешся въ путь, садишся на
„сей корабль, не забывъ однако же
„взять съ собою бочку вина и нуж-
„ные припасы: ни что не препятст-
„вуетъ тебѣ плыть по морю; ты
„ѣдешь. Но увы! что я говорю?
„Страсть, гораздо сильнѣйшая, тебя
„останавляетъ, и говоритъ тебѣ
„слѣдующее: несмысленный, что ты
„дѣлаешь? куда ты ѣдешь? Ты весь
„въ огнѣ, ни что не можетъ поту-
„шить онаго, а ты хочешь преплы-
„вать моря? Какъ? ты оставишь домъ
„свой, для того, чтобъ надѣвъ на
„себя изъ толстой парусины мѣшокъ,
„сидѣть съ матросами на жесткой
„скамьѣ, ѣсть сухари, и пить дур-
„ную воду изъ плошки, которая во-
„няетъ дехтемъ и смолою. Не ужъ-
„то ты думаешь, что твои деньги
„которыя здѣсь тебѣ, безъ всякой

„опасности, приносятъ по пяти про-
„центовъ, на морѣ дадутъ тебѣ по
„одиннадцати? Повѣрь мнѣ, не ѣзди,
„не ѣзди, и наслаждайся дома спо-
„койствіемъ и утѣхами. Помни, что
„только тѣ дни ты въ самомъ дѣ-
„лѣ жилъ, которые провелъ въ у-
„довольствіи: помни, что ты скоро
„будешь горсть праха; скоро будешь
„преданъ ты забвенію: смерть при-
„ближается; время летитъ; та ми-
„нута, въ которую я съ тобою го-
„ворю, уже не существуетъ. Говори
„несчастный, что ты избираешь? Что
„дѣлать предпріемлешь? Любовь и
„скупость стремятся каждая привлечь
„тебя къ себѣ, которой изъ сихъ
„двухъ страстей думаешь ты по-
„кориться?"

Когда какое либо Государство процвѣтаетъ своими завоеваніями, и не опасается нимало своихъ сосѣдей; то естественно впадаетъ во всѣ утѣхи *нѣги* или *роскоши*: но издержки, въ кои утѣхи сіи завлекаютъ, столь

далеко простираются, что для выполненія оныхъ, люди употребляютъ всѣ способы, кои только могутъ внушить жадность и развратъ: такимъ-то образомъ *скулость* и *нѣга* учиняются обѣ вмѣстѣ началомъ всѣхъ хлопотъ тѣхъ людей, кои ищутъ достатка, великолѣпія и утѣхъ. Саллустій, достовѣрнѣйшій и вѣжливѣйшій изъ всѣхъ Латинскихъ писателей, повѣствуетъ, что въ его время, когда самыя сильнѣйшія Государства въ свѣтѣ покорены были Римлянамъ; то сія Республика предалась другимъ противоположнымъ порокамъ, то есть, *роскоши и скулости*. Онъ къ сему присоединяетъ, что Катилика алкалъ имѣніемъ другихъ, между тѣмъ, какъ расточалъ свои сокровища безъ всякой умѣренности. Можно сказать, что его замѣчаніе подтверждается всѣми Государствами, наслаждающимися спокойствіемъ и изобиліемъ. Тогда всѣ стараются превзойти другъ друга въ пышности и великолѣпіи; и будучи

внѣ опасности отъ сосѣдственныхъ нападеній. предаются они всевозможнымъ утѣхамъ, кои чувства имъ представляютъ; что по естественному и необходимому слѣдствію, производитъ скупость, и ненасытное желаніе собирать богатство.

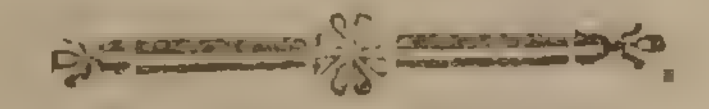
Будучи увлеченъ склонностію моею къ размышленію о сихъ двухъ великихъ пружинахъ, дѣйствующихъ надъ людьми, не могъ я воспрепятствовать себѣ, чтобъ не сочинить о томъ нѣкоторой иносказательной басни, которую и представляю здѣсь моимъ читателямъ.

Были нѣкогда двѣ деспотическія тиранки, кои безпрестанно другъ съ другомъ воевали. Первая называлася нѣгою; а вторая *скупостію*. Намѣреніе ихъ состояло въ томъ, чтобъ покорить себѣ всѣхъ смертныхъ, и самовластно управлять оными. *Нѣга* имѣла многихъ своихъ чиновниковъ или полководцевъ, таковы были напримѣръ: *утѣха*, *веселіе*, *пышность* и *мода*, кои

оказывали ей величайшія услуги. *Скупость* также не имѣла недостатка въ добрыхъ и надежныхъ Офицерахъ. таковы были: *голодъ, досужство, забота и неусыпность.* Сверьхъ того она имѣла безпрестанно при себѣ одну тайную совѣтницу, которая всегда почти шептала ей на ухо, и называлась *бѣдностію*, коея совѣтамъ слѣпо она послѣдовала. *Нѣга*, ея соперница, была также управляема *изобильностію*, главною ея совѣтницею и правительницею, которая руководствовала всѣми ея поступками, и никогда не выпускала ее изъ глазъ. Между тѣмъ, какъ сіи двѣ сильныя непріятельницы оспоривали другъ у друга обладаніе вселенною, успѣхи ихъ были почти одинаковы. Естьли *нѣга* когда покаряла себѣ чье сердце; то *скупость* съ своей стороны дѣлала то же. Естьли какой старѣйшина семейства запишется въ службу къ *скупости*; то сынъ его принимаетъ сторону *нѣги*. Часто мужъ съ женою

были въ томъ другъ съ другомъ не согласны: но что я говорю? часто одинъ и тотъ же человѣкъ въ молодости служивалъ одной, а подъ старость предавался другой. Правда, что благоразумные люди наблюдали точнѣйшее посредство между той и другой; но сіи были въ весьма маломъ числѣ. Наконецъ сіи двѣ державы наскучивъ войною, согласились о свиданіи между собою, на которомъ бы ихъ двухъ совѣтницъ не было. Сказываютъ, что *нѣга* начала разговоръ; и предложивъ опасеніе свое, что ихъ брань никогда не кончится, сказала своей непріятельницѣ, съ природною своею откровенностію, что она не сомнѣвается, чтобъ онѣ не сдѣлались добрыми пріятельницами, безъ совѣтовъ *бѣдности*, сей опасной совѣтницы, которая употребляла во зло ея довѣренность, и внушала ей неосновательные страхи, и смѣшныя предразсужденія. На сіе *скупость* отвѣчала, что *изобильность*, еще того

опаснѣйшая совѣтница, нежели *бѣдность*, по тому что она представляла всегда новыя утѣхи, исключала изъ правилъ своихъ всякую предосторожность противъ *бѣдности*, и такимъ образомъ разрушала всѣ начала, на коихъ правленіе ея было основано. По долговременномъ преніи согласилось, чтобъ каждая изъ нихъ отдалила отъ себя свою совѣтницу. Потомъ всѣ члены трактата были порядочно постановлены; и такимъ образомъ согласились онѣ жить впредь въ добромъ согласіи и союзѣ, и дѣлить по ровну между собою всѣ свои завоеванія. Отъ того-то видимъ мы нынѣ *нѣгу* и *скупость* занимающія одно сердце, и по очередно онымъ пов[illegible]вающія. Къ сему примолвлю я [illegible]о то, что со времени отстав[illegible]вухъ помянутыхъ совѣтницъ, [illegible]ъ снабжаетъ *нѣгу* въ ея нуж[illegible] вмѣсто *изобильности*, а *нѣга* [illegible]даетъ *скупость* вмѣсто *бѣдности*.

О ДѢВИЦАХЪ НЕРѢШИМЫХЪ, ВЪ *разсужденіи бракосочетанія.*

Корреспонденты мои, касательно любви, суть столь многочисленны, что я вознамѣрился, естьли то можно, раздѣлить ихъ на розряды, и отвѣтствовать онымъ каждому въ его очередь. Первый розрядъ, о коемъ я стану теперь говорить, состоитъ изъ тѣхъ любовниковъ, кои по несчастію влюбилися въ нерѣшимаго нрава дѣвушекъ, кои желаютъ, чтобъ объ нихъ страдали по нѣскольку лѣтъ, и не могутъ рѣшиться, отказать ли имъ своимъ любовникамъ, или склониться на ихъ предложеніе. Я имѣю множество писемъ, въ коихъ горько жалуются мнѣ на сихъ жестокосердыхъ. Нѣкоторой штатской человѣкъ увѣдомляетъ меня, что онъ уже тридцать лѣтъ тому назадъ, началъ сватовство; и что, не смотря на надежду, которую получилъ онъ съ перьвого

года въ полученіи своего желанія любовница его все еще нерѣшима. Сіе выраженіе, мнѣ кажется, столь правильно, что я назову сихъ госпожъ *нерѣшимыми*. Я вижу изъ письма другаго любовника, которой называется *Тирсисомъ*, что любезная его уже семь лѣтъ находится въ нерѣшимости. Но самый достойнѣйшій сожалѣнія изъ всѣхъ ихъ, есть богатый и страстный *Филандръ*, которой представляетъ мнѣ, что боязливая и нерѣшимая *Сильвія* столь долго откладывала свое замужство, что не въ состояніи уже теперь родить дѣтей. Письмо же, полученное мною отъ *Страфона*, содержитъ въ себѣ, что онъ горячаго нрава, и столь прельщенъ своею красавицею, что никогда отъ нее не отстанетъ. Онъ съ великимъ сердцемъ мнѣ говоритъ, что она во всю его молодость его обманывала; проволочила его до пятидесяти пяти лѣтъ, и что въ состояніи подъ старость со всѣмъ его оставить, есть ли найдетъ

выгоднѣйшаго жениха. Я кончу сіе письмомъ добраго Гна *Благонадежнова*: онъ есть весьма любезной человѣкъ въ обществѣ, другъ бутылки, и которой наконецъ женился на одной изъ сихъ нерѣшимыхъ. Служа, по причинѣ любви своей, игрушкою всѣмъ своимъ знакомымъ, съ тысяча семь сотъ шестдесятъ четвертаго года.

„Вы не безъизвѣстны, Государь мой, сколь сильна была страсть моя къ дѣвицѣ Клэрѣ, и какими лавиринфами она меня водила. Мнѣ было только 22 года отъ роду, когда я посвятилъ себя къ ея услугамъ, и я потерялъ тридцать лѣтъ моей жизни въ пустыхъ съ нею забобонахъ и крючкахъ. Я любилъ ее до тѣхъ поръ, какъ она сдѣлалась сѣда, какъ Сибирская кошка, и съ великимъ однако же трудомъ женился на ней, такъ, какова она теперь есть. Однако же она мнѣ кажется прелестною старушкою. Правда, что мы оба весьма сожалѣемъ, для чего не прежде же-

нилися; но въ томъ она ни ково, кромѣ себя, винить не можетъ; вы знаете, что она никогда не хотѣла со мною рѣшиться, и довела до того, что у нее ни одного зуба во ртѣ не осталось. Такимъ образомъ, вмѣсто обыкновенной надписи на обручальномъ моемъ кольцѣ, велѣлъ я вырѣзать сіи слова: *въ тридцать первой годъ моей любви.* Я ожидаю отъ васъ теперь поздравительной епистолы, естьли вы почитаете меня того достойнымъ. Я во всю мою жизнь пребуду покорнѣйшимъ слугою моей любезной и беззубой Клары, равно какъ и вашимъ.,,

Для изгнанія изъ общества такова зла, которое не только что причиняетъ великія огорченія частнымъ людямъ, но даже можетъ имѣть врѣдное вліяніе на все общество, постараюсь я показать теперь, коль смѣха достойна такая нерѣшимая дѣвушка; и предложу о томъ два или

три размышленія, которыя, прошу я прекрасный полъ, хорошенько выслушать.

1е. Я желалъ бы во первыхъ, чтобъ красавицы разсудили благоразумно о краткости ихъ жизни. Вѣкъ нашъ недовольно дологъ, чтобъ кокетка успѣла произвести въ дѣйствіе, и употребить всѣ свои хитрости. Боязливая Госпожа снисходитъ въ могилу прежде, нежели рѣшится что ей дѣлать. Естьли бы люди нынѣ жили столь долго, какъ праотцы наши до потопа; то правда, что тогда Гжи могли пожертвовать годами пятидесятью своей жизни, и пробыть нерѣшимыми вѣкъ, два, или три. Естьли бы она могла прожить девять сотъ лѣтъ, то могла бы дождаться обращенія Жидовъ въ Христіанской законъ прежде, нежели дастъ знать любовнику свое намѣреніе. Но увы! Ей должно весьма скоро сыграть свое дѣйствующее лицо, естьли она подумаетъ, что ей должно будетъ ос-

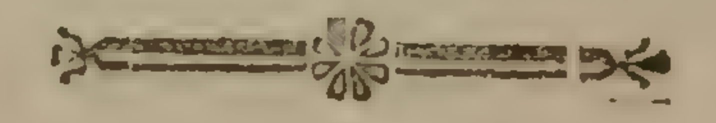
ставить театрЪ вдругЪ и уступить мѣсто свое другимЪ.

2е. Во вторыхЪ я бы хотѣлЪ, чтобЪ дѣвушки и о томЪ подумали, что естьли предѣлЪ жизни кратокЪ; то предѣлЪ красоты еще того короче. Самое прекрасное лицо покрывается морщинами вЪ немногіе годы, и столь скоро теряетЪ свѣжесть и блескЪ своего цвѣта, что едва мы имѣемЪ довольно времени онымЪ полюбоваться. Я могЪ бы обогатить сіе примѣромЪ розЪ, радуги и многими различными сравненіями сего рода, но можетЪ быть и вЪ другой разЪ еще о семЪ говорить буду.

3. НаконецЪ нерѣшимая должна помышлять о той опасности, которой она подвергается, когда по несчастію случится, что влюбится она семидесяти лѣтЪ, естьли не постарается поскорѣе избавиться отЪ сомнѣній своихЪ и разбирательствЪ.

Однако же, да не подумаютЪ, что я хочу порицать вЪ прекрасномЪ

полѣ ту врожденную скромность, которая возбраняетъ ей соглашаться на перьвыя предложенія своего любовника, и которая заставляетъ сопровождать отказъ ихъ пріятнымъ и вѣжливымъ видомъ. Вся моя цѣль состоитъ въ томъ, чтобъ увѣдомить ихъ, что когда разумъ и склонность согласуются, то должно не болѣе колебаться, какъ сколько требуютъ того обычаи наши и благопристойность. Добродѣтельная дѣвица должна отметать съ перьваго раза предлагаемой ей бракъ, какъ честный старецъ отрѣкается отъ Епископства; но я бы ни тому ни другому не совѣтовалъ упорствовать въ отказѣ того, чего они безмѣрно желаютъ.

ИЗБРАННЫЯ МЫСЛИ СЛАВНѢЙШИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ О РАЗНЫХЪ ПРЕДМЕТАХЪ.

О СЛАВѢ.

Что есть слава человѣческая по смерти? — Благополучный вѣтрѣ послѣ кораблекрушенія.

Лучшая слава, или настоящая, состоитъ въ уваженіи или удивленіи; но слава ощутительнѣйшая и явнѣйшая состоитъ въ подобострастіи и почтеніи. Причина тому есть та, что не всѣ могутъ отличать человѣка съ достоинствами отъ неимѣющаго оныхъ; на противъ же того, всякой можетъ различить знатнаго Господина съ простолюдимомъ.

Земля подобна большой записной книгѣ, въ коей всякому хочется вписать свое имя. Когда сія книга вся будетъ исписана; то необходимо на-

добно стирать написанныя уже въ ней имена, для начертанія другихъ. Что было бы тогда, когда бы всѣ памятники древнихъ были цѣлы? Куда бы мы помѣстили свои. Три ста шестдесятъ статуй Димитрія Фалера не могли долго существовать въ Аѳинахъ; Димитрій Поліоркетъ ихъ разрушилъ; слава перьваго Димитрія надмѣру много мѣста занимала.

Фонтенеллъ.

Тотъ, кто въ посредственномъ чину умѣетъ отличиться; тѣмъ болѣе заслуживаетъ славы, чемъ меньше имѣетъ способовъ сдѣлаться примѣтнымъ.

Тщеславіе столько устремилось въ сердцахъ человѣческихъ, что извощикъ, поваренокъ, носильщикъ, превозносятся, и хотятъ всякой по своему, чтобъ имъ удивлялися; сами Философы не меньше, а можетъ быть еще и больше тѣмъ заражены: тѣ,

кои пишутъ противъ славы, хотятъ пріобрѣсти славу хорошихъ писателей; читатели же ихъ желаютъ славиться тѣмъ, что ихъ читали; и я пишучи сіе, можетъ быть имѣю то же хотѣніе.

———

Сладость, отъ славы произходящая, столь велика, что въ какой бы мы вещи ее ни полагали, хотя бы въ самой смерти, то и та будетъ намъ мила.

———

О ВЕСЕЛОСТИ.

Есть веселость совершенно душевная, раждающаяся отъ спокойствія страстей.

———

Веселость умирающихъ, ибо есть оная, произходитъ отъ теплой вѣры, или отъ великой нечувствительности, которую можно назвать дурачествомъ. Перьвую видимъ мы чаще, нежели вторую, по тому, что человѣку не естественно умирать такъ, какъ ско-

ту, не боясь, и не надѣясь ни чего.

Женщины отъ шестнадцати и до двадцати лѣтъ суть всѣ добронравны; ихъ надежда и прелести всегда содержатъ ихъ въ веселости.

Богатые люди, кои суть обыкновенно или скупы, или расточительны, имѣютъ только такую веселость, которая такъ къ нимъ приходитъ и уходитъ, какъ и деньги ихъ.

ОБЪ ОТКРОВЕННОСТИ.

Откровенность тогда только добродѣтель, когда руководствуема она благоразуміемъ, въ противномъ же случаѣ она глупость.

Лучше откровенно признаться въ своемъ невѣжествѣ, нежели думать и выдавать себя за знающаго то, чего совсемъ не знаешь.

Домитій, отецъ Нероновъ, пред-

сказалъ пороки и распутство своего сына, не по Астрологіи, которая однако же была въ то время въ славѣ, но просто, по знанію его Агриппины и самаго себя. Не возможно, говаривалъ онъ съ откровенностію друзьямъ своимъ, чтобъ могъ родиться честной человѣкъ отъ Агриппины и отъ меня.

Тотъ, по мнѣнію моему, больше имѣетъ великости, кто умѣетъ признаться откровенно въ учиненномъ имъ проступкѣ; нежели тотъ, кто умѣетъ онаго не сдѣлать.

О СПОРАХЪ.

Мы бы изъ гордости лучше желали кидать жеребьи, кто изъ насъ правъ въ спорахъ, нежели уступить, или признаться, что мы виноваты.

Сократъ, видя нѣкоего Евклида, весьма задорнаго спорщика. сказалъ ему: естьли ты будешь продолжать,

то научишся спорить съ Софистами, но не научишся жить съ людьми.

О ПРИТВОРСТВѢ.

Никто столь превосходно притворствовать не умѣетъ, какъ молодая влюбленная дѣвушка.

Гораздо труднѣе, нежели мы думаемъ, притворствовать съ тѣми людьми, коихъ мы презираемъ.

Когда человѣкъ уличенъ будетъ въ притворствѣ, и чрезъ то потѣряетъ довѣренность, то онъ погибъ на вѣки; ни что не можетъ его возстановить, ни истинна ни ложь.

Притворство можетъ быть позволительно и даже похвально; но не надобно обманутся, въ какомъ случаѣ. Напримѣръ: скрывая пороки нашихъ пріятелей, когда сіе притворство можетъ возвратить ихъ къ должности, въ такомъ случаѣ притворство есть

человѣколюбивѣйшій и великодушнѣйшій поступокъ.

О ВРАГАХЪ.

Лѣкарь Царя Пирра предложилъ Фабрицію отравить ядомъ своего Государя; Фабрицій отослалъ письмо его къ Пирру, говоря ему, чтобъ онъ впередъ постарался лучше избирать друзей своихъ и враговъ.

Не дѣлай врагу твоему все то зло, которое ты можешь ему сдѣлать; ибо онъ можетъ содѣлаться твоимъ другомъ.

Жесточайшій врагъ нашъ, есть самый полезнѣйшій нашъ хулитель.

ПРИМѢРЪ ЧАДОЛЮБИВАГО ОТЦА,

съ

нѣкоторыми примѣчаніями о добромъ и худомъ воспитаніи дѣтей.

На сихъ дняхъ занимался я долго смотрѣніемъ на нѣкоего отца, сидящаго по среди горницы, окруженнаго дѣтьми своими; и я примѣтилъ на лицѣ его внутреннюю радость, когда онъ обращалъ глаза свои на того или другаго изъ сихъ любезныхъ предметовъ, вокругъ его находящихся. Сей человѣкъ имѣетъ весьма умѣренные виды, касательно основанія ихъ въ свѣтѣ; и которой обладая изряднымъ имѣніемъ, не желаетъ большаго достатка. Большой его сынъ имѣетъ весьма доброй нравъ, и хотя отецъ его горячо любитъ, но я смѣю утверждать, что онъ никогда не сдѣлаетъ ни какого плутовства, для учиненія его богатымъ. Я не знаю ни кого, ктобъ имѣлъ столь справедливое понятіе о жизни, и умѣлъ бы вку-

шать сладости ея, какъ тотъ, о коемъ я говорю, или ктобъ лучше былъ вооруженъ противъ бѣдности, или противъ надежды прибытка. Довольно обыкновенно родителямъ имѣть доброе мнѣніе о своихъ дѣтяхъ, почитать ихъ ко всѣму способными, и думать, что они нѣкогда будутъ занимать важнѣйшія мѣста въ Государствѣ. Я знаю одну добрую женщину, у которой три сына, и никто не можетъ выбить у нее изъ головы что одинъ изъ нихъ будетъ Министромъ, другой Губернаторомъ, а третій Лейбъ-Медикомъ. И вотъ что хорошо, что всякой надѣется получить для своего сына то, что съ сыномъ другаго можетъ случиться; но пріятель мой, с коемъ я началъ говорить, не льститъ себѣ сею тщетною надеждою; и болѣе несравненно старается доставить имъ хорошее воспитаніе, нежели богатства и чины. Добродѣтель, въ юности пріобрѣтенная, почти всегда основываетъ счас-

тіе обладающему ею человѣку, и доставляетъ ему доброе имя, вмѣсто того, что великое богатство не всегда производитъ добродушіе.

Весьма естественно родителю, горячо любящему своихъ дѣтей, насыщать воображеніе свое будущимъ ихъ благоденствіемъ, и представлять ихъ себѣ на хорошей ногѣ въ свѣтѣ, когда онъ самъ болѣе во ономъ не будетъ. Естьли онъ имѣетъ умѣренныя, касательно сего, желанія; то горячность его служитъ нѣкоторымъ образомъ къ продолженію его жизни; и удовольствіе, видѣть себя какъ возродившагося въ достойномъ сынѣ, столь великую радость ему причиняетъ, что оная мало чѣмъ уступаетъ той, кою бы почувствовалъ онъ отъ несумнѣнной надежды жить еще долго на свѣтѣ. Такой человѣкъ счастливъ, которой думаетъ, что сынъ его избѣгнетъ всѣхъ дурачествъ и нескромностей, коимъ онъ самъ въ молодости былъ подверженъ, и что

онъ будетъ слѣдовать или еще и далѣе простирать то, что было хорошо, благоразумно и правильно въ его поведеніи. Продолженіе, такъ сказать, его добродѣтели, должно быть достойнѣе уваженія, нежели продолженіе его жизни; но ничего нѣтъ столь огорчительнаго, какъ думать, что наслѣдникъ богатства какого либо человѣка, станетъ косо смотрѣть на всѣхъ пріятелей своего отца, станетъ поступать совсемъ по инымъ правиламъ, и станетъ вести себя противнымъ образомъ.

Когда я посѣщаю прекраснѣйшій деревенской домъ знаменитаго Рурикoлы, когда хожу я изъ комнаты въ комнату, напоминаю о тѣхъ пріятнѣйшихъ разговорахъ, кои я съ нимъ имѣлъ многократно, и о благородныхъ чувствіяхъ его сердца. И когда въ то же самое время вижу его сына и наслѣдника, которой не умѣетъ ни угощать, ни даже принимать, какъ должно друга отца своего; то не

могу скрыть чувствуемой мною отъ того досады. Не можно обвинять человѣка въ недостаткѣ ума, но естьли онъ неучтивъ, то самъ въ томъ виноватъ. Сынъ почтеннаго Рурикалы, коего вся жизнь была безпрерывною цѣлію добродѣтельныхъ дѣяній, и великодушныхъ чувствованій, сынъ сего добродѣтельнаго мужа, говорю я, имѣетъ обхожденіе съ буянами и съ пьяницами; и все его честолюбіе состоитъ въ томъ, чтобъ слышать подлыя ласкательства отъ своихъ служителей; забавы его суть безчинны и развратны; разговоры его подлы и невѣжливы, и поведеніе грубо и глупо. Сей скотъ долженъ ли почитаться наслѣдникомъ человѣка исполненнаго добродѣтели, ума, и вѣжливости? Какъ бы то ни было, естьли я не вижу болѣе въ семъ домѣ ни единаго слѣда стараго моего друга, то мнѣ стоитъ только поѣхать къ одному въ сосѣдствѣ находящемуся дворянину, и я найду тамъ одну

изъ его дочерей, которая есть изображенiе тѣла его и души, украшенная, сверьхъ того, прелестями и скромностiю, полу ея свойственными. Она заставляетъ насъ забывать смерть отца ея, и хотя не носитъ его имени, и не обладаетъ его имѣнiемъ, но гораздо лучше представляетъ его, нежели ея братъ, которой наслѣдовалъ какъ то, такъ и другое. Такое чадо, каковъ есть сей большой сынъ моего друга, представляетъ отца своего почти такъ, какъ бы то было привидѣнiе его; онъ по истиннѣ Рурикола, но Рурикола учинившiйся предметомъ страха и отвращенiя.

Я не знаю, чему приписать подлыя и грубыя склонности сего молодаго человѣка, развѣ не отъ излишней ли строгости отца его, въ разсужденiи его, и которая, можетъ быть, вселила въ него отвращенiе къ добрымъ нравамъ, кои не учиняли его любезнымъ, не сопровождая ихъ видомъ свободнымъ и обязательнымъ.

Самое пріятное зрѣлище есть, видѣть достойнаго человѣка, живущаго въ столь добромъ согласіи съ сыномъ своимъ, что они ни чего не имѣютъ другъ отъ друга скрытаго. Взаимная ихъ горячность причиняетъ несравненное удовольствіе всѣмъ тѣмъ, кои ихъ знаютъ, и заставляетъ самихъ ихъ чувствовать нѣжную утѣху, которая усугубляется, по мѣрѣ взаимственнаго сообщенія. Сіе не только что служитъ къ разогнанію печали, кои бы безъ сей помощи были несносны; но придаетъ еще вящшую степень тѣмъ удовольствіямъ, которыя бы безъ сего не заслуживали ни какого уваженія. Самая малозначущая вещь пріобрѣтаетъ силу и красоту, выходя изъ устъ добраго отца, и и малѣйшая бездѣлица имѣетъ свой вѣсъ, происходя отъ послушнаго сына. Я не знаю, какимъ образомъ сіе изъяснить; но мнѣ кажется, что можно сіе назвать *переселеннымъ самолюбіемъ*. Всѣ счастія или несчастія, случаю-

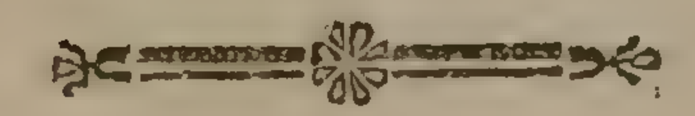
щіяся съ человѣкомъ такова расположенія бываютъ ему чувствительны, по причинѣ только отношенія, въ коемъ находится онъ съ другимъ. Даже самая его честь становится ему любезнѣе, когда помыслитъ онъ, что по смерти его будутъ говорить, что отецъ такова-то, сдѣлалъ такое то похвальное дѣяніе. Сіи мысли весьма удобны услаждать непріятность и скорби, сопутствующія старости, и наполнить его радостію, когда онъ можетъ сказать самъ себѣ: не могутъ упрекнуть моего сына тѣмъ, что отецъ его былъ несправедливъ, или немилосердъ; много найдется честныхъ людей, кои скажутъ ему: я весьма много обязанъ покойнымъ вашимъ родителямъ, и желаю, чтобъ сынъ мой былъ вашимъ другомъ до смерти.

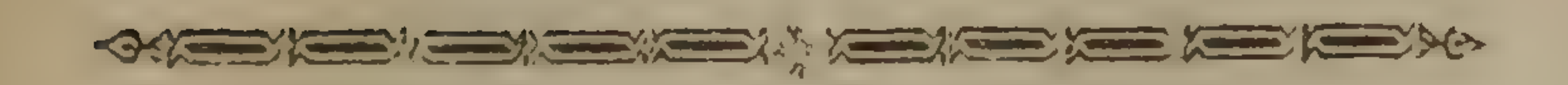
Не всѣ люди могутъ оставить по себѣ великолѣпныя титла, или великое богатство своему потомству; но всѣ могутъ споспѣшествовать вну-

шить дѣтямъ своимъ склонность къ трудолюбію, честности, мужеству и справедливости. Всякой отецъ можетъ оставить своему сыну честь, что произошелъ онъ отъ отца добродѣтельнаго, и къ оставляемому наслѣдству можетъ присоединить благословеніе небесное. Я заключу сіе однимъ письмомъ, которое принужденъ я былъ написать къ одному знакомому мнѣ молодому человѣку, съ хорошими дарованіями и у коего смерть не давно похитила знаменитаго отца.

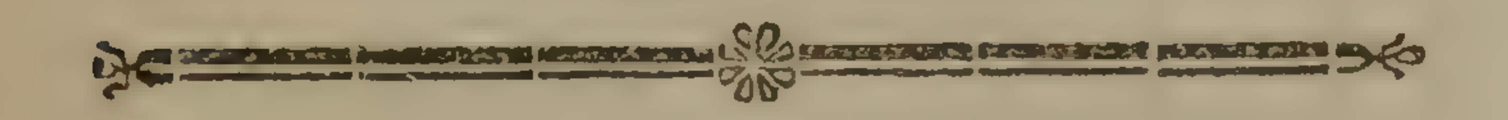
„Я не думаю, Государь мой, чтобъ могла быть должность труднѣе той, какъ утѣшать къ статѣ; и такъ я не стараюсь выполнить ее, въ разсужденіи васъ, наипаче по тому, что горесть ваша весьма справедлива. Правила добродѣтели, кои получили вы отъ покойнаго родителя, оплакиваемаго теперь вами, столько имѣли надъ вами вліянія, что будучи двадцати трехъ лѣтъ, могли васъ сдѣлать неутѣшимымъ, хотя смерть

родителя вашего учинила васъ обладателемъ великаго достатка. Я не сомнѣваюсь, чтобъ вы не сдѣлали ему чести, благоразумнымъ онаго употребленіемъ, и чтобъ вы не почитали недостойнымъ васъ расточать на распутство и лишнія суетности, то, что онъ собралъ посредствомъ своего благоразумія и трудолюбія. Сей-то есть истинный способъ показаться чувствительнымъ къ его потерѣ, и утѣшить всѣхъ объ оной сожалѣющихъ. Вы не въ состояніи воскресить его своею горестію; но можете оживотворить его паки въ себѣ, ведя себя безпорочно и благоразумно. Я есмь и проч.

СТАТЬЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ДОСТОПАМЯТНЫХЪ ДѢЯНІЙ И СКАЗАНІЙ ЗНАМЕНИТЫХЪ ЛЮДЕЙ НОВѢЙШЕЙ ИСТОРІИ.

Донъ Карлосъ, сынъ Филиппа II, Короля Гишпанскаго.

I. Сей Принцъ едва вышелъ изъ младенческихъ лѣтъ, какъ Королева Богемская, его тетка, жившая въ то время въ Гишпаніи, приказала строго наказать любимаго его Пажа за весьма малой проступокъ. Поелику онъ въ то время уже начиналъ быть жестокъ во всѣхъ страстяхъ своихъ; то выговаривалъ ей за оное съ великимъ негодованіемъ. Когда же сія Государыня, вышедъ изъ терпѣнія отъ

его выговоровъ, сказала ему, что она высѣчетъ его, ежели онъ не замолчитъ; то Донъ Карлосъ, которому не можно было сдѣлать вящшей обиды, какъ почесть его за дитя, столь разсердился на сіи угрозы, что далъ теткѣ своей пощечину. Разставшись съ нею, почувствовалъ онъ, что дурно сдѣлалъ, и находился отъ того въ крайнемъ смущеніи, какъ его Гофмаршалъ вошелъ къ нему проливая слезы. Донъ Карлосъ, коему чрезвычайные предметы казались подозрительны, въ разсужденіи его тогдашнихъ обстоятельствъ, спросилъ у него о причинѣ его слезъ, и получилъ въ отвѣтъ, что Король, его отецъ, узнавъ о его преступленіи, осудилъ его на смерть. Бывшіе при томъ примѣтили, что онъ принялъ сіе извѣстіе съ удивленіемъ; но не оказавъ ни малѣйшаго страха. Онъ спросилъ только, не уже ли его не простятъ? Пошли просить о томъ Короля, и вскорѣ возвратились къ не-

му съ увѣдомленіемъ, что Король даруетъ ему жизнь, и что ему только отрубятъ ту руку, которую дерзнулъ онъ поднять на Королеву. Вотъ хорошо будетъ смотрѣть, вскричалъ онъ стрѣмительно, на безрукаго Короля. Ему представляли, что онъ долженъ еще почитать себя счастливымъ, что довольствуется симъ однимъ наказаніемъ; но какъ нѣкто изъ окружающихъ его сказалъ ему тихонько, что ежели онъ подвергнетъ себя добровольно какому либо наказанію, то можетъ быть его родитель надъ нимъ сжалится; то онъ послѣдовалъ сему совѣту, и послалъ просить Кардинала Спинолу, чтобъ онъ пришелъ его высѣчь, иначе же бы онъ ни отъ кого не стерпѣлъ сего наказанія.

2. Когда Нидерланды взбунтовались противъ Филиппа II, Короля Гишпанскаго, то сей Государь велѣлъ разсѣять слухъ, что онъ самъ пойдетъ съ арміею наказывать бунтов-

щиковъ. Онъ приказалъ даже готовиться къ сему путешествію; но знавшіе склонность Филиппа къ домосѣдной жизни, и что онъ велъ войну всегда не выходя изъ кабинета, узнали, что то была только одна хитрость, для успокоенія мятежниковъ. И дѣйствительно, когда всѣ екипажи были изготовлены; то Король видя, что обманъ его откроется, естьли онъ не поѣдетъ, не нашелъ инаго способа къ извиненію медленности своей, какъ сказаться больнымъ. При семъ-то случаѣ, Донъ Карлосъ будучи у Королевы, сшилъ изъ бѣлой бумаги небольшую книжку, въ которой и написалъ своею рукою большими буквами на первой страницѣ: *великія и удивительныя путешествія Короля Филиппа.* На всѣхъ же слѣдующихъ страницахъ написалъ онъ слѣдующее попорядку: путешествіе изъ Мадрита въ Ескуріалъ (*); путешествіе изъ Ескуріала въ Мадритъ;

(*) Увеселительной домъ близъ Мадрита.

изъ Мадрита въ Толедо, изъ Толеда въ Мадритъ, изъ Мадрита въ Аранжуецъ, изъ Аранжуеца въ Прадо, изъ Прадо въ Мадритъ, изъ Мадрита въ Ескуріалъ, и такимъ образомъ наполнилъ онъ всю книжку путешествіями Короля по загороднымъ его домамъ и по лучшимъ Гишпанскимъ городамъ. Сія шутка нанесла ему великій вредъ. Непріятели его, похитивъ у него сію книжку, показали ее Королю, которой весьма за сіе разгнѣвался, и съ того самаго времени началъ подозрѣвать своего сына, и приказалъ строго присматривать за всѣми его поступками.

3. Сей Принцъ, будучи недоволенъ Дворомъ, возъимѣлъ переписку съ мятежниками, и обѣщалъ имъ въ скоромъ времени пріѣхать къ нимъ, и начальствовать ими противъ Короля. Но дабы не быть схвачену прежде своего отъѣзда, приказалъ онъ тайно поставить себѣ за кровать сундукъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ.

Приказалъ сдѣлать себѣ новаго изобрѣтенія пистолѣты, дабы имѣть ихъ всегда при себѣ непримѣтнымъ образомъ; и велѣлъ сдѣлать одному Французскому слѣсарю къ своей спальнѣ такой замокъ, которой бы не могъ иначе быть отперстъ, какъ изъ нутри. Каждую ночь клалъ онъ къ себѣ подъ головы двѣ шпаги и пару пистолѣтъ; но не могъ однако же поступить столь скрытно въ сихъ приготовленіяхъ, чтобъ его враги того не замѣтили. Они донесли о томъ Королю, которой разсудя, что сынъ его не безъ умысла дѣлаетъ такія приготовленія, разсудилъ взять его подъ стражу. Художникъ сего удивительнаго замка сысканъ, и пособилъ его отперѣть. Король вошелъ ночью въ спальню Дона Карлоса. Сей несчастный Принцъ спалъ столь крѣпко, что Графъ де Лермъ могъ вынуть изъ подъ головъ, не разбудивъ его, шпаги и пистолѣты. Потомъ сѣлъ на сундукъ, въ которомъ хранилось

огнестрѣльное оружіе. Принцъ пробудясь вскричалъ, что онъ погибъ. Король сказалъ ему, что все сіе дѣлается къ его добру; но Донъ Карлосъ, видя, что берутъ одинъ ларчикъ, въ которомъ были всѣ его бумаги и письма, пришелъ въ столь сильное отчаяніе, что сбросивъ съ себя рубашку, бросился въ каминъ, которой весьма жарко топился, по причинѣ бывшей тогда стужи. Его насилу могли оттуда вытащить, и онъ казался неутѣшимымъ, что не дали ему времени тамъ задохнуться. Всѣ великолѣпные уборы его комнаты вынесли, и на мѣсто ихъ оставили одинъ только весьма плохой матрацъ на полу. Съ тѣхъ поръ ни одинъ изъ его прислужниковъ къ нему не являлся. На него надѣли черное платье, и служили ему люди въ такомъ же платьѣ. Король усмотрѣвъ его намѣреніе и тайныя соглашенія изъ захваченныхъ бумагъ, приказалъ его судить, и онъ былъ приговоренъ къ

смерти. Королева весьма его любила; она нашла средство сказать ему чрезъ одного вѣрнаго человѣка, что ему должно просить свиданія съ Королемъ, и постараться привесть его въ жалость. Донъ Карлосъ, для коего желанія Королевы были священны, согласился на то, хотя и не безъ труда. Онъ бросился къ ногамъ Короля, и просилъ его помыслить, что онъ собственную свою кровь проливать намѣрястся. Король отвѣчалъ ему съ холодностію, что когда у него случается дурная кровь, то онъ обыкновенно приказываетъ лѣкарю оную выпустить. Донъ Карлосъ, будучи въ отчаяніи, что тщетно себя унизилъ, вспалъ съ поспѣшностію послѣ сихъ словъ; когда же Король у него спросилъ, что не уже ли онъ не имѣетъ ничего ему еще сказать; то Принцъ, которой бы желалъ искупить учиненный имъ въ ту минуту поступокъ тысящію жизней, отвѣчалъ ему съ природною своею гордостію: естьли

бы особы. къ коимъ повиновеніе мое должно окончиться не прежде, какъ съ жизнію моею, не принудили меня съ вами видѣться, то я не былъ бы столько подлъ, чтобъ сталъ просить вашего помилованія, и умеръ бы славнѣе, нежели вы живете. Король ушелъ отъ него послѣ сего отвѣта, не показывая ни малѣйшей жалобы. Донъ Карлосъ сѣлъ въ ванну, и открывъ себѣ жилы на рукахъ и на ногахъ, приказалъ всѣмъ отъ себя выттти; потомъ взявъ въ руку портретъ Королевы, матери своей, которой онъ всегда нашивалъ на груди, устрѣмилъ глаза на сіе изображеніе, и не спускалъ съ него оныхъ, пока не постигъ его хладъ смерти.

Карлъ Великій, Король Французскій, коронованный Западнымъ Императоромъ въ 800 году, Папою Львомъ III.

Когда сей Монархъ прилагалъ печать къ своимъ указамъ, то сіе

дѣлалъ онъ шпажною головкою, на которой вырѣзанъ былъ его гербъ, и говаривалъ: вотъ мои повелѣнія; и вотъ, (указывая на шпагу) что заставитъ почитать ихъ моихъ непріятелей.

2. Нѣкоторой молодой духовной человѣкъ, коему онъ далъ Епископское достоинство, возвращался отъ него съ великою радостію. Приказавъ подвести себѣ лошадь, вскочилъ онъ на нее столь легко, что едва не перепрыгнулъ черезъ. Карлъ Великій видя то изъ окошка, послалъ его воротить. Ты знаешь, сказалъ онъ ему, сколько я стараюсь завести у себя хорошую конницу, будучи столь добрымъ ѣздокомъ, ты бы весьма былъ полезенъ въ моей службѣ. Мнѣ хочется удержать тебя при себѣ; мнѣ кажется, что ты будешь еще лучшимъ наѣздникомъ, нежели добрымъ Епископомъ. Онъ удовольствовался только однимъ симъ урокомъ, которой долженствовалъ внушать въ

молодаго Епископа важность и должность сего сана.

3. Короли Французскіе имѣли въ старину такъ называемое право ночлега во многихъ Игуменствахъ и домахъ Епископскихъ, какъ для себя, такъ и для всей своей свиты. Карлъ Великій столь часто проѣзжалъ чрезъ домъ одного Епископа, которой былъ въ томъ числѣ, что издержки, кои онъ его посѣщеніями своими заставлялъ дѣлать, раззорили бѣднаго Епископа, которой былъ человѣкъ щедрый, и ни чего не щадилъ для угощенія своего Государя. Императоръ пользуясь своимъ правомъ, не помышляя о слѣдствіяхъ онаго, еще разъ къ нему пріѣхалъ; и видя Епископа весьма заботящагося о томъ, чтобъ всѣ комнаты были чисто выметѣны, сказалъ ему: не трудитесь пожалуйте, оставьте ето; мнѣ кажется, что все довольно чисто. Государь, отвѣчалъ Епископъ, правда, что не многаго къ тому не достаетъ; но я на-

дѣюсь, что севодни въ домѣ моемъ будетъ все совершенно чисто. Карлъ понявъ сей выговоръ, сказалъ ему съ усмѣшкою, не печальтесь Ваше Преосвященство, мои руки столь же хорошо умѣютъ давать, какъ и брать, и немедленно подарилъ ему весьма богатую землю, по близости лежащую.

4. Ежингардъ, его Секретарь, былъ одинъ изъ достойнѣйшихъ людей того времени; онъ влюбился въ Имму, побочную дочь сего Государя, и взаимно былъ ею любимъ. Однажды ночью посѣтилъ онъ ее въ ея комнатѣ, и желая возвратиться до наступленія дня, чтобъ кто его не увидѣлъ, пришелъ въ великое недоумѣніе, ибо во всю ту ночь шелъ снѣгъ, а ему надлежало пройти домой чрезъ пространной дворъ. Какимъ же образомъ скрыть слѣды его возвращенія? Имма вывела его изъ сего безпокойствія: она предложила ему отнести его домой на своихъ

плечахЪ. Необходимость принудила Ежингарда на сіе склониться. КарлЪ Великій вЪ то время не спалЪ, и смотря вЪ окошко, увидѣлЪ сей поступокЪ нѣжной дочери своей Иммы. *Онъ былъ пораженъ удивленіемъ*, повѣствуетЪ исторія, *и пронзенъ горестію*; но *думая, что тутъ заключалось нѣчто божественное*, разсудилЪ ничего имЪ о томЪ не говорить, и оставить ихЪ вЪ покоѣ. ЕжингардЪ не могЪ быть спокоенЪ; и началЪ просить позволенія удалиться отЪ Двора; КарлЪ сказалЪ ему, что онЪ обЪ етомЪ подумаетЪ, и назначилЪ день, вЪ которой сообщитЪ ему свое намѣреніе. День сей наступилЪ, МонархЪ собралЪ свой совѣтЪ, и оному обьявилЪ подробно все происшедшее. Начали подавать голоса; одни предлагали, что должно наказать его примѣрно, другіе же не столь строго его осуждали, и всѣ наконецЪ оставили рѣшить оное Государю, по его благоразумію. Позвали Ежингарда, и

КарлЪ изрекЪ ему слѣдующее опредѣленіе: вЪ награжденіе за важныя твои мнѣ услуги, даю я тебѣ вЪ замужство дочь мою Имму. Сей сладкій приговорЪ былЪ исполненЪ; приданое же соразмѣрялось сЪ достоинствомЪ сея знаменитыя невѣсты.

Герцогъ Букингамъ, любимецъ Карла II, Короля Великобританскаго.

НѣкоторойдворянинЪ приносилЪ ему однажды весьма продолжительную и важную жалобу, на разныя народныя неудовольствія на правительство. ГерцогЪ, человѣкЪ весьма прозорливый, проникнулЪ причину жалобЪ сего дворянина, и сказалЪ ему: любезный другъ, ты справедливую имѣешь причину кЪ неудовольствію; но я нашелЪ средство прекратить все сіе вЪ непродолжительномЪ времени. ДворянинЪ немедленно спросилЪ у него, какое бы то было столь вѣрное

и скорое средство. Ты его сей часъ узнаешь, отвѣчалъ Герцогъ; но прежде надлежитъ тебѣ вѣдать, что сего утра очистилось мѣсто съ пятью стами фунтовъ стерлинговъ доходу; которое я намѣренъ тебѣ дать. Дворянинъ весьма тѣмъ обрадованный, одобрилъ все, что Букингамъ ни сказалъ ему въ пользу правительства, и признался наконецъ, что нѣтъ на свѣтѣ народа столь счастливаго, какъ Агличане.

Гозонъ, Кавалеръ Родосскій, и потомъ Гросмейстеръ ордена въ 1346 году.

Одинъ чрезмѣрной величины крокодилъ причинялъ великое опустошеніе въ островѣ Родосѣ, и даже поглотилъ нѣкоторыхъ жителей. Убѣжище сего страшнаго чудовища была пещера при берегѣ болота, находящагося у подошвы горы Св. Стефана, на двѣ мили разстояніемъ отъ города. Онъ часто выходилъ изъ нее,

для исканія добычи; пожиралЪ барановЪ, коровЪ, а иногда и лошадей, когда они приближались кЪ берегу болота; жаловались даже, что онЪ съѣлЪ четырехЪ пастуховЪ, кои пасли поблизости того мѣста свои стада. Многіе изЪ храбрѣйшихЪ КавалеровЪ, вЪ разныя времена, и не сказавЪ о томЪ прочимЪ, выходили по одиначкѣ изЪ города, дабы какЪ нибудь его убить; но ни одинЪ изЪ нихЪ назадЪ не возвращался. Поелику вЪ то время употребленіе огнестрѣльнаго оружія было неизвѣстно, а кожа сего рода чудовищь покрыта столь жесткими чешуями, что острѣйшія копья и стрѣлы не могутЪ ее пробить; то по сему бой былЪ весьма неравенЪ, и сіе животное безЪ труда ихЪ побѣждало. Того ради ГеліонЪ де ВилленевЪ, будучи вЪ то время ГросмейстеромЪ, запретилЪ КавалерамЪ, чтобЪ они не покушались болѣе производить вЪ дѣйство такое предпріятіе, которое казалось свыше силЪ

человѣческихъ. Всѣ ему повиновались, выключая Кавалера Гозона, которой тайно вознамѣрился сразиться съ симъ лютымъ животнымъ, и поклялся погибнуть, или избавить отъ онаго островъ Родосъ. Для начатія же произведенія въ дѣйство своего предпріятія, поѣхалъ онъ во Францію, и удалился въ замокъ Гозонъ, которой еще и по нынѣ въ Лангедокѣ существуетъ. Вѣдая, что чудовище, противъ коего онъ вооружался, не имѣло подъ брюхомъ чешуи, основалъ онъ на семъ замѣчаніи весь планъ своего замысла. Приказалъ сдѣлать изъ дерева, или изъ картузной бумаги, изображеніе сего огромнаго крокодила, и паче всего старался, чтобъ цвѣтъ былъ подобенъ его природному. Потомъ пріучилъ онъ двухъ молодыхъ большой породы собакъ прибѣгать къ нему на его крикъ, и бросаться подъ брюхо сего страшнаго чудовища; между тѣмъ, какъ онъ на лошади, совсемъ вооруженный, ска-

калъ къ нему съ копьемъ въ рукахъ, и показывалъ, будто поражаетъ его онымъ въ разныя мѣста. Сей Кавалеръ употребилъ многіе мѣсяцы на сіе упражненіе, и какъ скоро увидѣлъ, что собаки его привыкли къ сему роду сраженія и травли; то возвратился въ Родосъ. Едва прибылъ онъ на сей островъ, какъ не сообщивъ ни кому о своемъ намѣреніи, велѣлъ онъ отнести тайно свое оружіе къ церкви, построенной на вершинѣ горы Св. Стефана, куда и прибылъ съ двумя только служителями, привезенными имъ изъ Франціи. Взошедъ въ церковь, и помолясь съ усердіемъ и вѣрою Вышнему, взялъ онъ свое оружіе, сѣлъ на лошадь, и приказалъ двумъ своимъ служителямъ возвратиться во Францію, естьли онъ погибнетъ въ сраженіи; но непремѣнно поспѣшать къ нему, естьли увидятъ они, что онъ умертвилъ чудовища, или будетъ отъ онаго раненъ. Потомъ сошедъ съ горы съ двумя сво-

ими собаками, пошелъ прямо къ болоту и къ крокодилову убѣжищу, которой услыша шумъ, устремился на него изъ своей пещеры, разинувъ пасть, и съ блистающими отъ ярости глазами, готовился его пожрать. Гозонъ ударилъ его копьемъ, но сей ударъ, по причинѣ твердости его чешуи, былъ тщетенъ. Онъ намѣрялся усугубить свои удары, но лошадь его устрашась рева, свиста и противнаго запаха сего чудовища, бросилась въ сторону, и причинила бы погибель сѣдоку своему, естьли бы онъ хотя мало оробѣлъ; но сей неустрашимый Герой бросился съ нее на землю, и обнаживъ мечь устремился съ двумя вѣрными своими собаками на сего чудовища, и наносилъ въ разныхъ мѣстахъ жестокіе удары, но не какъ не могъ прорубить ему кожи. Звѣрь пришелъ въ чрезмѣрную ярость, сшибъ его съ ногъ ужаснымъ своимъ хвостомъ, и непремѣнно бы его пожралъ, естьли бы собаки не впились въ чрево

крокодилово, будучи къ тому пріучены, и не переставали терзать, не смотря на всѣ его усилія отъ нихъ освободиться. Кавалеръ, посредствомъ сей помощи, всталъ съ земли, и присоединясь къ своимъ собакамъ, вонзилъ мечь свой по ефесъ, въ такое мѣсто, которое не было защищено чешуею; симъ причинилъ онъ ему большую рану, изъ коей кровь полилась ручьями. Чудовище издыхая, упало на Кавалера, и непремѣнно задавило бы его тягостію огромнаго своего тѣла, естьли бы служители его будучи зрителями сего сраженія, не прибѣжали на помощь къ своему Господину. Они нашли его въ обморокѣ, и почли мертвымъ; но вытащивъ его изъ подъ крокодила съ великимъ трудомъ, сняли они съ него шлемъ, и спрыснувъ лице водою, привели его въ чувство. Открывъ глаза, первое и самое пріятнѣйшее зрѣлище, ему представшее, былъ бездыханный трупъ его врага. Въ городѣ какъ скоро уз-

нали о его побѣдѣ и о смерти чудовища, то толпа жителей вышла къ нему на встрѣчу. Кавалеры повели его съ тріумфомъ къ дворцу Гросмейстера; но посреди безчисленныхъ восклицаній, побѣдитель весьма удивился, когда Гросмеистеръ, воззрѣвъ на него глазами, исполненными гнѣва и негодованія, спросилъ у него, зналъ ли онъ запрещеніе его, чтобъ не сражаться съ симъ опаснымъ звѣремъ, и не думалъ ли, что можетъ преступить повелѣніе сіе ненаказанно. Немедленно по семъ сей строгій блюститель повиновенія, не слушая его оправданія, ни усильныхъ прозьбъ, чинимыхъ за него Кавалерами, приказалъ снять съ него мечь, и отвести въ темницу. Потомъ собралъ совѣтъ, на коемъ представлялъ, что орденъ не можетъ оставить безъ строгаго наказанія столь явное ослушаніе; и подобно второму Манлію, подалъ онъ голосъ, что сія побѣда должна быть бѣдоносна побѣдителю. Совѣтъ ис-

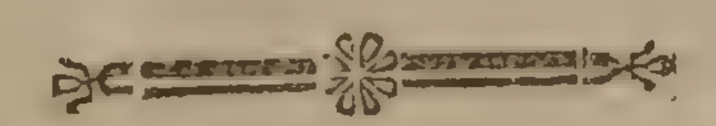
просилъ у него, чтобъ онъ удовольствовался только лишеніемъ его ордена и платья, оному приличнаго. Злосчастный Кавалеръ со стыдомъ видѣлъ себя лишенна онаго; но Гросмейстеръ, по удовлетвореніи симъ наказаніемъ долгу своему, воспріялъ паки кроткій свой и милосердый нравъ, и возвратилъ неустрашимому Гозону все у него отнятое.

Мезуе,

Врачь Калифа Ватека Биллага.

Калифъ Ватекъ Биллагъ удилъ рыбу на рѣкѣ Тигрѣ, а Мезуе, его Врачь, стоялъ близь его. Калифъ досадуя, что немогъ ничего поймать, сказалъ Мезуе: поди прочь несчастной, я отъ тебя, видно, немогу ничего выудить. Мезуй огорчась сими словами, сказалъ Калифу: Повелитель правовѣрныхъ, не обвиняй меня тѣмъ, чего нѣтъ, правда, что мой отецъ былъ простой мѣщанинъ, а мать моя

Рекала, была невольница, но совсѣмъ тѣмъ, я былъ любимцомъ многихъ Калифомъ, имѣлъ честь пить и ѣсть съ ними, и участвовать въ ихъ забавахъ. По милости ихъ я сдѣлался столько богатъ, сколько могъ того надѣяться, сіе не можно назвать нещастіемъ: но естьли ты хочешь мнѣ позволить, то я скажу тебѣ, кого по справедливости можно назвать нещастнымъ. Калифъ сказалъ ему, что онъ можетъ изъясниться, и Мезуй отвѣчалъ: это есть человѣкъ, произшедшій отъ четырехъ Калифовъ, кого и самаго Богъ учинилъ такимъ же Калифомъ, и которой оставя санъ, великость и чертоги, сидитъ въ бѣдномъ шалашѣ, которой вѣтеръ можетъ и съ нимъ опрокинуть и утопить, и которой дѣлаетъ то, что принуждены дѣлать нещастные и бѣднѣйшіе изъ смертныхъ.

ПРОДОЛЖЕНІЕ КРИТИЧЕСКИХЪ РАЗСУЖДЕНІЙ О НѢКОТОРЫХЪ НЕИМОВѢРНЫХЪ ДѢЯНІЯХЪ И СКАЗАНІЯХЪ ДРЕВНЕЙ ИСТОРІИ.

Давно уже горѣлъ я желаніемъ испытать силы мои противъ Стоиковъ и ихъ послѣдователей. Система ихъ есть неисчерпаемый источникъ заблужденій и сумазбродствъ, они говорятъ только о необходимости обуздывать страсти, и о способности, находимой ими въ семъ предпріятіи. Послику же я намѣренъ нѣсколько продолжить сію главу; то начну нѣсколько по выше, дабы придать сей матеріи весь тотъ порядокъ, къ которому она способна. Мы увидимъ, что такое были Стоики, такъ же и нѣкоторыя ихъ мнѣнія, до нашего предмета касающіяся; увидимъ естество страстей; увидимъ, что не худо, но полезно ихъ имѣть; что не можно и не должно исторгать ихъ изъ души.

Наконецъ мы постараемся представить Читателямъ всѣ лживости, повѣствуемые о томъ Сенекою.

Въ Аѳинахъ находилися многія мѣста, въ коихъ, яко въ училищахъ, собиралися Философы, и преподавали ученіе. Плутархъ всѣ оныя называетъ по имянно: Ликсумъ, Академіа, Стоа, Палладіумъ и Одеумъ. Зенонъ первый училъ въ Стоѣ. Хризиппъ и Епикуръ за нимъ послѣдовали, и были названы начальниками Стоической секты. Цицеронъ, въ рѣчи своей за Мурену, сдѣлалъ сокращеніе ихъ мнѣній; Плутархъ показалъ всѣ ихъ сумазбродство. Мы же здѣсь ограничимся только системою ихъ о страстяхъ. Они отнимали оныя совершенно отъ человѣка мудраго, и сами сласкали себя, что отъ оныхъ свободны. Цицеронъ такимъ образомъ дѣлаетъ опредѣленіе страстей: страсти суть ни что иное, какъ скоропостижная перемѣна души и тѣла, причиненная поражающими ихъ пред-

метами. Таковы суть: радость, желаніе, страхъ, печаль, скорбь и проч. Зенонъ полагаетъ ихъ только четыре, то есть: скорбь, страхъ, плотское вожделѣніе и радость. Радость и плотское вожделѣніе происходятъ отъ какого либо настоящаго или будущаго блага; скорбь и страхъ, истинныя душевныя болѣзни, причиняются отъ настоящихъ или будущихъ золъ. Умствуютъ, что сіи страсти существуютъ болѣе въ воображеніи, нежели въ самомъ естествѣ души, и что ежели отнять мнѣніе или положеніе о добрѣ и злѣ, то отнимутся и страсти. Такимъ образомъ мудрецъ, будучи увѣренъ, что нѣтъ ни добра ни зла, собственно такъ называемыхъ, но что онѣ находятся только въ принятыхъ людьми мнѣніяхъ; мудрецъ сей по тому не имѣетъ желаній, не восхищается радостію, и не поддается ни страху ни скорби. Такимъ-то образомъ Философы сіи приписываютъ себѣ власть

побѣждать самую природу; какъ бы страсти не были дѣйствіями природы, а неволю, и какъ бы отъ насъ зависѣло быть отъ оныхъ совершенно свободными. Перипатетики, или ученики Аристотелевы думаютъ, по мнѣнію моему, благоразумнѣе, они утверждаютъ, что страсти не могутъ отдѣлиться отъ сердца человѣческаго, которое есть ихъ начало и жилище. По сему и удивляются они старанію, съ которымъ природа вооружила насъ, такъ сказать, страстями. Правда, что часто онѣ доходятъ до крайности, и становятся тогда пороками. Но человѣкъ, присовокупляютъ они, можетъ управлять оными, умѣрять ихъ, и препятствовать, чтобъ онѣ не надмѣру сильно надъ нимъ господствовали, и не вовлекли бы насъ въ безпорядки. Стоики хотѣли больше сего; они желали совершенно освободить отъ нихъ человѣка; то есть хотѣли отнять страхъ у оленя, ядъ у змѣи, свирѣпость у тигровъ и кро-

шость у овецъ. Врачи научаютъ насъ, что любовь и радость имѣютъ присудствіе свое въ селезенкѣ, гнѣвъ въ желчи, плотское вожделѣніе въ печенкѣ, а страхъ въ сердцѣ. По сему, для истребленія чувствій, безъ коихъ животное жить не можетъ, не должно ли самаго его истребить?

Стоики не чувствовали, что желая исторгнуть пороки, уничтожали они и добродѣтели; ибо не можетъ быть тамъ добродѣтели, гдѣ нѣтъ порока; равно, какъ нѣтъ добра тамъ, гдѣ нѣтъ зла.

Стоики сами признали затрудненіе искорѣнить въ человѣкѣ тѣ четыре страсти, кои, по мнѣнію ихъ, состояли въ произвольномъ положеніи о добрѣ и злѣ. Они перемѣнили имена страстей; но не нашли, чемъ бы звать печаль: но думали, что избавились отъ хлопотъ, изключивъ скорбь изъ числа страстей. Для уничтоженія истинны, положили они невозможное; и дѣйствительно, кто не будетъ тер-

заться и сокоушаться, при видѣ опасности, угрожающей отечеству, при лишеніи родственниковъ или друзей? Не вещи однако же имъ не доставало, но только имени. Что касается до прочихъ страстей; то они назвали плотское вожделѣніе волею, по тому, что желанія произходятъ отъ воли, и суть ни что иное, какъ воля упорная. Они присовокупили къ имени радости, названіе *умѣренной*. По мнѣнію ихъ, страхъ есть ни что иное, какъ предосторожность. Изъ сего видно, что сіи Философы думая отмѣтать страсти, только что умѣряютъ ихъ; и что вмѣсто истребленія ихъ, они только что испортили ихъ имена: слѣдовательно не достигаютъ они до своей цѣли, состоящей въ томъ, чтобъ совершенно уничтожить страсти.

Другое заблужденіе Стоической системы состоитъ въ томъ, что они хотятъ умѣрить страсти, не заботясь о томъ, чтобъ умѣрить при-

чины, ихъ раждающія. По ихъ мнѣнію человѣкъ долженъ ощущать радость, но токмо умѣренную. Сіе похоже на то, что ежели бы они сказали, что не должно бѣгать, но ходить потихоньку. Но кто ходитъ тихо, то можетъ весьма легко заблудиться, а тотъ, кто бѣжитъ, можетъ слѣдовать по настоящей дорогѣ. Бываютъ такіе случаи, въ коихъ умѣренная радость есть столько же хулы достойна, сколько и чрезмѣрная радость. Есть также другіе случаи, въ коихъ сія не столь порицательна, какъ другая. Малѣйшая радость о несчастіи ближняго, возвѣщаетъ злаго человѣка. Но позволено чувствовать великую радость при одержаніи знаменитой побѣды и проч. И такъ не довольно того для мудреца, чтобъ обуздывать страсти: но долженъ онъ сверьхъ того предупреждать и отклонять всѣ причины, ихъ возбуждающія. Онъ въ томъ успѣетъ, когда будетъ здраво и внимательно разсуждать объ обстоятельствахъ.

Не справедливо ли желать человѣку добродѣтели, и ненавидѣть пороки? Самое даже посредство въ семъ случаѣ было бы порицательно. Слѣдовательно, Стоики преобразили добродѣтели въ пороки? По мнѣнію ихъ, страхъ, которой они смѣшали съ подлостію и трусостію, былъ порокъ, противоположный мужеству, или храбрости. Имъ казалось невозможнымъ, сообразить страхъ съ мужествомъ. Есть однако же тысячи примѣровъ, доказывающихъ, что они могутъ быть сообразимы. Можно бояться печали, бѣдности, ссылки, темницы, смерти, и не меньше быть отъ того мужественнымъ.

Стоики полагали истинныя добродѣтели; но заблужденіе ихъ состояло въ употребленіи оныхъ. Постоянство есть добродѣтель, когда оно не для дѣланія зла упорствуетъ, но для сопротивленія тѣмъ, кои принуждаютъ насъ къ отступленію отъ нашей должности. Заключимъ съ Лактанціемъ,

что утверждающіе сію нечувствительность души, хотятъ лишить душу жизни, по тому, что жизнь ея состоитъ только въ дѣятельности, а смерть въ бездѣйствіи. И такъ ни чего нѣтъ столь ложнаго, и столь сумазброднаго, какъ сія мнимая нечувствительность Стоиковъ. Патерікулъ повѣствуетъ, что Сципіонъ Емиліанъ, во время жизни своей ни чего не сдѣлалъ, ни чего не сказалъ, и ни чего не помыслилъ, что бы не было похвалы достойно. Но развѣ сей Историкъ слѣдовалъ всюды за сею совершенною особою? Развѣ былъ онъ свидѣтелемъ всѣхъ его дѣяній? Развѣ могъ онъ проницать въ сокровеннѣйшіе изгибы его сердца? Какое безпредѣльное увеличиваніе! По сказанію Плинія, лицо Сократово никогда не казалось ни веселымъ ни печальнымъ. Юлій Капитолинъ говоритъ, что Маркъ Антонинъ имѣлъ всегда столь спокойный духъ, что никогда не являлъ на лицѣ своемъ ни малѣйшаго

знака радости, или прискорбія, отъ того, что онъ учился Стоической Философіи. Но не уже ли сіи писатели днемъ и ночью безпрестанно соглядали своего Героя? Сіи похвалы столь же ложны, какъ и то, что Крассъ разсмѣялся только одинъ разъ въ своей жизни. Діогенъ Лаерцій пишетъ, что Философъ Палемонъ былъ укушенъ за ногу собакою; и что даже не показалъ онъ знака, что то примѣтилъ. Множество народа сбѣжалось къ нему: онъ спросилъ у нихъ, какое приключеніе сдѣлалось въ городѣ, и былъ неподвиженъ. Для увѣнчанія же сего дурачества, оставалось только сказать, что сіе укушеніе причинило Палемону удовольствіе. По сказанію Сенеки, Епикуръ, удрученный болѣзнію, которую причинялъ ему запоръ мочи и раны въ пузырѣ, вопіялъ, что сей день, которой былъ послѣдній его жизни, почитаетъ онъ пріятнѣйшимъ и счастливѣйшимъ. Но не подумайте, что бы отъ того, что

онъ надѣялся вскорѣ избавиться отъ золъ своихъ; нѣтъ, такая мысль обезчестила бы Стоика: сіе говорилъ онъ для того, что никогда не претерпѣвалъ онъ такого мученія. Оставимъ Палемона и Епикура въ ихъ блаженствѣ.

Фринея, славная распутствомъ своимъ женщина, захотѣла испытать нѣкогда цѣломудріе Ксенократово. Она притворилась, будто укрывается отъ гонящихся за нею злонамѣренныхъ людей; Философъ принялъ ее къ себѣ; и поелику имѣлъ онъ одну только весьма узкую кровать, то она просила у него позволенія лечь съ нимъ вмѣстѣ, на что онъ и согласился. Она употребляла всевозможное стараніе, къ коему была только способна, но не могла получить желаемаго. Еліянъ повѣствуетъ, что Александръ въ бытность свою въ Индіи, повелѣлъ сдѣлать игры разныхъ родовъ. Онъ между прочимъ обѣщалъ золотой вѣнецъ тому, кто болѣе всѣхъ

выпьетъ. Ксенократъ одержалъ сію побѣду; и такъ ежели бы Фринея догадалась предложить ему золотой вѣнецъ, тобъ онъ не сдѣлалъ ей такой обиды, которая жесточаѣ всего на свѣтѣ красавицѣ. Какое смѣшеніе пьянства и воздержности! Или лучше сказать, чего не можно было сдѣлать золотомъ изъ сихъ мнимыхъ мудрецовъ? Амевей, славный музыкантъ на лютнѣ, по сказанію Еліяна, не менѣе былъ воздерженъ. Онъ ни когда не имѣлъ сообщенія съ женою своею, хотя она была и весьма пригожа. Я могъ бы найти множество еще примѣровъ сихъ басней, или сего Стоическаго хвастовства. Но упомяну только объ одномъ, которымъ хотятъ намъ доказать, колико сіи Философы умѣли владѣть собою. Платонъ былъ разсерженъ однимъ изъ своихъ служителей. Ксенократъ на ту пору къ нему вошелъ: добро пожаловать, сказалъ онъ ему; пожалуй ударь четыре раза палкою сего слу-

жителя, по тому, что я сердитъ. Какая умѣренность! Какое благоразуміе! Онъ самъ больнѣе бы его прибилъ. Служители его не урѣжали его гнѣвить, по тому, что тогда онъ не смѣлъ ихъ наказывать. Счастливый гнѣвъ, довольствующійся только четырью палочными ударами! Но исполнилъ ли то Ксенократъ? Должно такъ думать: но вѣроятно, что онъ пощадилъ служителя. О добрый другъ! Сколько жадно, думаю я, слуги желали служить Философамъ! Четыре палочныхъ удара! Можно ли меньше сего!

Что касается до презрѣнія смерти, столь обыкновеннаго Стоикамъ; то Сенека говоритъ о томъ на всякой страницѣ. Вотъ одна весьма любопытная, касательно сего, черта. Каній Іюній, человѣкъ почтенный своимъ достоинствомъ, игралъ въ шашки, за нимъ пришли воины съ повелѣніемъ отъ Калигулы вести его казнить. Каній сталъ щитать, сколько

у него было шашекъ, и сказалъ тому, съ кѣмъ онъ игралъ: смотри же, не скажи послѣ моей смерти, что ты меня обыгралъ. Потомъ обратясь къ воинамъ, сказалъ онъ имъ: будьте свидѣтели, что у меня одна шашка лишняя! Можно ли оттважнѣе сего выдумать небылицу? Я полагаю въ одинъ рядъ всѣ тѣ блистательныя дѣянія, кои приписываются Стоикамъ. Страсти столько же нужны человѣку, сколько движеніе жизни. Нѣтъ постояннаго спокойствія, которое бы не было истинною смертію.

Солнце есть послѣ человѣка прекраснѣйшій предметъ въ свѣтѣ; но я не буду дѣлать ему здѣсь похвалы. Опытъ довольно намъ доказываетъ, что для зрѣнія нашего нѣтъ большаго удовольствія, какъ видѣть Солнце: однако же нѣкоторые писатели утверждаютъ, что были люди, которые его не видали, и не хотѣли видѣть въ тѣхъ двухъ временахъ.

въ коихъ являетъ оно прелестнѣйшее зрѣлище; сіе-то Аѳиней сказываетъ о Сивритѣ Сминдиридѣ. Мы говорили уже прежде о его дурачествахъ; но слѣдующее не уступаетъ первымъ: ,,Сминдиридъ, говоритъ сей писатель, ,,для превознесенія прелестной жизни, ,,имъ ведомой, хвасталъ тѣмъ, что въ ,,продолженіе двадцати лѣтъ никогда ,,не видалъ онъ ни восходящаго ни ,,заходящаго Солнца. Сіе приводитъ онъ ,,въ примѣръ своего блаженства.,,

Великою можно почесть казнію не видать двадцать лѣтъ Солнца; какимъ же образомъ Сминдиридъ нашелъ секретъ сдѣлать блаженство изъ крайняго несчастія, или лучше сказать, изъ дурачества и лежа на постелѣ до полудни, не видывалъ онъ его по утру; но и кромѣ его есть еще много такихъ людей; тѣ, кои слѣдуютъ сей методѣ, не уже ли ни когда при восхожденіи Солнца не пробуждаются? Не ужто никогда они не подходятъ къ окну, дабы насладиться симъ пріятнѣйшимъ

зрѣлищемъ? Что касается до Сминдирида, то онъ никогда и не просыпался. Видно онъ принималъ опіумъ, дабы непремѣнно спать при восхожденіи Солнца; слѣдовательно онъ прихаживалъ домой всякой вечеръ по крайней мѣрѣ за полчаса до захожденія сего свѣтила; онъ оставлялъ любовницу свою, столъ, игру, позорища, и всѣ утѣхи, для того удовольствія, чтобъ не видать свѣтильника свѣта, оставляющаго горизонтъ нашъ. Какая странная нѣга! Какое сумасшествіе! Оставимъ сего Сиварита наслаждаться его роскошною жизнію и хвастовствомъ. Прейдемъ къ другому примѣру такого же рода, но коего причина нѣсколько почестнѣе. Сіе Аѳиней же намъ разсказываетъ: „Естикъ, говоритъ онъ въ томъ же „мѣстѣ, хвасталъ, что онъ никогда „не видывалъ восходящаго и заходя„щаго Солнца; по той причинѣ, что „онъ безпрестанно учился, читалъ и писалъ.„ Я сколько могъ, убавилъ

отъ моего сна времени на упражненіе въ наукахъ; но безъ сомнѣнія, какъ бы я ни ухитрялся устремлять мое вниманіе на науки, не могъ однакожъ избѣжать того, чтобъ не видать восхожденія и захожденія Солнечнаго. Естикъ превосходитъ въ етомъ меня и можетъ быть всѣхъ ученыхъ людей. Вотъ гуляка и ученый, кои были непримиримые враги восходящаго и заходящаго Солнца. Но они не одни, ибо Иродотъ и Плиній увѣряютъ насъ, что Атланты не менѣе ихъ раздражены противъ сего свѣтила. Они проклинаютъ (говорятъ они) Солнце, когда оно проходитъ надъ ихъ головами. Они всячески его ругаютъ, по тому, что оно жжетъ ихъ, и раззоряетъ ихъ страну. Естьли Солнце столь вредно ихъ землѣ; то для чего же они тамъ живутъ? Персіяне и Индѣйцы думаютъ гораздо благосклоннѣе о семъ свѣтилѣ; они воздаютъ ему божескія почести: отъ сего-то произошла секта Еліогностовъ,

или Солнцепоклонниковъ. Извѣстно, что Манихейцы почитая его за нѣкоего бога, постились въ честь его по Воскресеньямъ и Понедѣльникамъ. Манихейцы были весьма странны; но можетъ быть менѣе Сминдирида, Естика, Атлантовъ, и менѣе Иродота, Плинія и Аѳинея, кои разсказывали намъ такія нелѣпости. Но не дерзость ли то съ моей стороны, что я говорю такимъ образомъ о древнихъ Историкахъ? Какъ же быть?

ПРОДОЛЖЕНІЕ КРАТКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО И ХРОНОЛОГИЧЕСКАГО ПОВѢСТВОВАНІЯ, О РАЗНЫХЪ ПОЛЕЗНЫХЪ ИЗОБРѢТЕНІЯХЪ.

Табакъ былъ найденъ въ 1520 году Гишпанцами; привезенъ во Францію Иваномъ Никотомъ, Посланникомъ при Португальскомъ Дворѣ, и названъ Королевиною травою *никотіаною*, а въ началѣ *пешуномъ*. Агличане научили Голландцовъ курить его. Сія трава, найденная въ Юкатанѣ, не прежде извѣстна стала во Франціи, какъ въ 1561 году; почитается же употребительною травою съ 1600 года.

Чай. Первый фунтъ чаю былъ привезенъ изъ Китая въ Голландію, а оттуда въ Англію Лордомъ Арлингтономъ въ 1666 году.

Ѳеорія о свѣтѣ и цвѣтахъ найдена славнымъ Исаакомъ Нютономъ, такъ, какъ и законы притяженія.

Онъ же изобрѣтатель отражательнаго звѣздозора (телескопъ) и многихъ иныхъ полезныхъ открытій въ звѣздословіи.

Телломѣръ изобрѣтенъ Корнеліемъ Дребелемъ, Нордголландскимъ крестьяниномъ, около 1627 года. Онъ же выдумалъ Микроскопъ съ двумя стеклами.

Громъ. Искуство предохранять зданія отъ грома усовершенствовалось въ Англіи. Церковь Святаго Павла въ Лондонѣ будучи вооружена металлическими отводами отъ креста до земли, была предохранена отъ онаго 22 Маія 1772 года; между тѣмъ церковь Св. Петра въ Римѣ, которая не имѣла такихъ отводовъ, претерпѣла великое повреждение 13 Декабря того же года.

Топотехнія, или искуство набивать музыкальныя ноты на валахъ и

на всемъ томъ, что къ тому способно въ Механическихъ инструментахъ, изобрѣлъ отецъ Енграмиллъ.

Стекло начали употреблять на вставливаніе въ окна при Кесарѣ Ѳеодосіи. До того же времени въ окошки вставливали холстину или прозрачный пергаминъ.

Стекло, сказываютъ, учинено было ковкимъ въ царствованіе Кесаря Римскаго Тиверія, которой казнилъ изобрѣтателя сея тайны, подъ тѣмъ предлогомъ, что его выдумка приведетъ въ упадокъ золото и серебро.

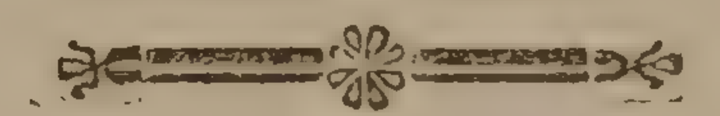
Фосфоръ художественный горячій изобрѣтенъ нѣкоимъ Брандтомъ, славнымъ Нѣмецкимъ Химикомъ, около 1675 года.

Фосфоръ Герметическій изобрѣтенъ Христіаномъ Адольфомъ Бодуенемъ, урожденцомъ Саксонскимъ.

Воздушный насосъ. Отто Гверикъ, Бургомистръ Магдебургскій есть изобрѣтатель онаго; онъ показалъ удивительныя онаго явленія на Регенсбургскомъ сеймѣ въ 1654 году.

Сей же самый *Гверикъ* первую мысль подалъ о Електрической силѣ, посредствомъ Сѣверныхъ шаровъ, кои употреблялъ онъ на дѣланіе своихъ опытовъ.

Онъ же первый вздумалъ употреблять открытіе *Торичеліево*, для наблюденія воздуха и перемѣнъ погоды, отъ того происходящихъ.

СТАТЬЯ УВЕСЕЛИТЕЛЬНАЯ.

ПЕРЬВЫЙ МОРЕПЛАВАТЕЛЬ,

ПОЕМА,

Сочиненная Геснеромъ.

Съ Нѣмецкаго языка вольно переведенная Пан..... Сум.....вымъ.

Свободное слово мое возвышеннымъ стихотворства языкомъ вѣщати будетъ.
(Iосифъ пѣснь первая.)

ПѢСНЬ ПЕРЬВАЯ.

Уже протекли многіе годы скорби, съ тоя бѣдственныя нощи, въ которую свирѣпая и бунтующая влага отторгла отъ материка хижину Милонову, на небольшемъ междуморіи воздвигнутую: бездна поглотила злачныя пасства, соединявшія съ твердою

землею мѣсто его обиталища. Сіе жилище, находящееся на уединенномъ островѣ, столь удалено было отъ противолежащаго брега, что во время глубочайшія тишины воздуха и моря, жители онаго не могли внимати рыканію воловъ, пасущихся на синѣющейся землѣ. Всѣ пути были имъ пресѣчены: всѣ пріятности сосѣдства и нѣжнаго дружества, кои боги нѣкогда вкушати имъ дозволяли, были у нихъ отъяты. Уже давно Семира погребла Милона, возлюбленнаго своего супруга, среди сея печальныя пустыни провождала она дни съ Мелидою, дщерію своею, не имѣя ничего къ облегченію своея грусти, кромѣ малаго стада и птицъ небесныхъ.

Мелида возрастала въ цвѣтѣ красоты, не имѣя обожателей. Посреди плясокъ и рѣзвыхъ игръ, блистая, подобно младой яблони, когда въ первый разъ являетъ она рождающіеся цвѣты свои, Мелида среди красавицъ всегда бы зрѣлася прелестнѣйшею.

Нѣжная Семира береглася отравити уединеніе дщери своей, подвергнувъ ее безполезнымъ сѣтованіямъ, или внушивъ ей склонность къ возпрещеннымъ имъ утѣхамъ; она тщательно скрывала отъ нее всѣ сладости сообщества, коими блаженные обитатели противнаго брега наслаждалися. Вседневно на гробѣ Милоновомъ посвящала она часъ слезамъ и скорби. Увы! тебя нѣтъ болѣе, тако возглашала ея горесть; нѣтъ тебя, о утѣшеніе жизни моей, подпора въ нашихъ бѣдствіяхъ! Лишенны помощи, оставленныя вселенною, огражденныя гнѣвными волнами, какой жребіи насъ постигнетъ? Лютость золъ, насъ угнѣтающихъ, не услаждается состраданіемъ дружества, и мы отъ всего рода человѣческаго отчуждены. Ахъ! почто не могу я зрѣти и тебя мертвою, о Мелида, возлюбленная дщерь моя! Увы! таковъ избытокъ злосчастія моего, что сіе есть страстнѣйшіе желаніе моего сердца. Почто

не зрю я тебя мертву! ибо остылыя кончина моя предупредитЪ твою; ты пребудешь вЪ сихЪ мѣстахЪ вЪ цвѣтѣ юности твоя едина; о страшное предвидѣніе! Ты едина пребудешь здѣсь, рѣвущими волнами окруженна, и единые твои собесѣдники будутЪ бѣдствія твои и лютая тоска. Никогда уже гласЪ человѣческій не поразитЪ твоего слуха; никогда гласЪ нѣжнаго супруга, коего прелести твои и добродѣтель содѣлали бы блаженнымЪ, до тебя не достигнетЪ; никогда не услышишь ты сладкаго названія матери вЪ устахЪ невинныхЪ младенцовЪ, косноязычно имя твое твердящихЪ: клики радости пребудутЪ тебѣ не извѣстны; смертовидная тьма нощи и страшныя ущелины дикихЪ горЪ будутЪ поражаемы едиными отгласами твоея скорби. Томительныя мученія пожрутЪ твою младость; ты умрешь вЪ отчаяніи, и горячія слезы любви не оросятЪ тебя при бѣдственной твоей кончинѣ. Лишенный погребенія трупЪ

твой истлѣетъ отъ зноя солнечнаго, или содѣлается добычею птицъ хищныхъ. Ахъ сокройте отъ нее стонъ мой дикія пещеры! А вы темные и унылые лѣса! вамъ единымъ ввѣрити жалобы мои я смѣю: сокройте отъ нее скорбь мою, да востягитъ ей щастливое невѣденіе познати всю обширность ея злополучія.

Тако стенала Семира, сокрывая отъ дщери своея мученія, терзающія родительское ея сердце.

Между тѣмъ Мелида, невинная и прелестная Мелида, забавлялася съ кроткими агнцами, неимѣющими нужды въ пастырѣ, ибо грозное море окружало небольшую ихъ пажить. Она сплѣтала прохладныя сѣни изъ младыхъ вѣтвей благоуханнѣйшихъ кустарниковъ: воздымала нагбѣнные къ землѣ цвѣты, и попеченіемъ своимъ доставляла вожделенное ращеніе томнымъ ихъ стеблямъ: иногда уготовляла она одержанному источнику ложе на сребристомъ пѣскѣ, или соби-

рая воды его во единс, составляла малое озеро. Окружность острова оградила она сугубымЪ рядомЪ плодоносныхЪ древесЪ; и блистая красотою, подобно ВенерѢ вЪ ПафосѢ, ходила подЪ рождающеюся ихЪ тѢнїю. Она украсила такожде пещеру нѢкоей каменной горы, омываемой моремЪ, (ибо уединенїе изобилуетЪ вымыслами): стены сея пещеры убраны были раковинами, извергаемыми волнами на брегЪ, и кои распредѢляла она по различнымЪ цвѢтамЪ ихЪ и видамЪ. Одна чрезмѢрной величины раковина поднимала вЪ пустоту свою прозрачныя капли воды, сЪ прїятнымЪ шумомЪ со свода упадающей: ясминные же кусты ограждали входЪ пещеры.

Среди сихЪ невинныхЪ упражненїй, Мелида провождала дни свои, не примѢчая, что была едина; но когда протекли такимЪ образомЪ шестнадесять лѢтЪ ея младости, тогда громкїй гласЪ природы возгремѢлЪ вЪ ея сердце, и повѢдалЪ ей уединенїе ея.

Сѣдя подъ тѣнію древесъ, ею сопле-
тенныхъ, и погрузяся въ томную у-
нылость, изрѣкла она сама себѣ та-
ко: съ какимъ намѣреніемъ боги по-
мѣстили насъ въ сей пустынѣ? Зло-
получнѣйшія изъ всѣхъ тварей, по-
что мы досслѣ существовали, и по-
что здѣсь еще существуемъ? Увы!
я чувствую по снѣдающей меня тоскѣ,
что есть нѣчто отъ бытія моего
неотдѣленное, есть нѣчто, чего я не
могу наименовати, и чего, увы! я
лишена! Нѣтъ, не для пустыни сей
сотворена я; безъ сомнѣнія испытали
мы какое либо странное приключеніе,
скрываемое отъ меня матерію моею.
Безпрестанно темный облакъ нѣкія
тайны помрачаетъ ея чело; и когда
тщуся я въ оную проникнути; тог-
да глаза ея наполняются слезами, и
противъ воли ея лице орошаютъ. Она
стократно мнѣ повторяетъ: ожидай
со мною, дщерь моя, ожидай всего
отъ благотворительныя мудрости бо-
говъ, возвесзимъ на нихъ скорбь нашу,

и предадимъ въ руцѣ ихъ рѣшеніе нашего жребія. — Увы! я стану ожидати въ благоговѣйномъ молчаніи ихъ о насъ произволенія, и не дерзну проницати въ неисповѣдимыя ихъ судьбы.

Часто въ глубокія размышленія погруженна, кидала она продолжительный взоръ на неизмѣримость моря, и тако вопіяла: о вы текущія поля, коихъ зрѣніе мое не можетъ достигнути предѣловъ! Ахъ! повѣдайте мнѣ, уже ли сія малая точка, уже ли сей островъ, вами окружаемый, есть единая обитаемая земля? Согласуется ли съ симъ непостижимое ваше пространство? Уже ли не омываете вы иныхъ бреговъ, исхищаемыхъ конечно дальностію отъ моего зрѣнія? Увы! Мать моя упорствуетъ въ томъ мнѣ признатися; но тайная печаль ея рождаетъ во мнѣ подозрѣніе. Земля сія безсомнѣнно не есть единая, вами омываемая; ибо что зрю я вдали неподвижное, которое подобно опустившимся облакамъ, со-

ставляетъ продолжительную цѣль при краяхъ водъ вашихъ? Можетъ быть воображенiе мое меня обольщаетъ; но во время глубокiя тишины мнѣ мнилося уже неоднократно слышати звукъ отдаленныхъ гласовъ; что же можетъ сiе быти кромѣ земли? По истиннѣ, представляется она мнѣ надмѣру малою; но конечно великая отдаленность тому виною; или не вѣдаю я, что волны кажутся уменьшающимися удаляясь отъ бреговъ нашихъ? И самая наша хижина, когда взираю я на нее изъ далека, не въ меньшемъ ли видѣ глазамъ моимъ представляется? Но когда сiе есть земля, подобная нашей; земля, украшенная лугами и плодоносными деревьями, то безъ сомнѣнiя она населена бытiями, дарами ея наслаждающимися. Можетъ быти, что бытiя сiи суть отличны отъ зримыхъ здѣсь мною; можетъ быти, тамо нѣтъ мнѣ подобныхъ: можетъ быти нѣтъ и таковыхъ, кои могли бы составляти

мнѣ пріятнѣйшую овецъ моихъ бесѣду. Но естьли бы то была..... Увы! колико мысль сія меня терзаетъ! Естьли бы то была земля, обитаемая подобными мнѣ существами; естьли бы они были столь же многочисленны, какъ птицы и агнцы нашего острова, и могли бы между собою, подобно имъ, веселитися! О блаженныя твари!.... Оставь меня! ахъ, оставь о мысль надмѣру прелестная! Обманчивыя мечты куда вы меня влечете? Вы токмо скорбь мою умножаете. О волны! естьли вы идете о брегъ сей ударятися, повѣдайте блаженнымъ его обитателямъ, что злосчастная дѣвица на семъ островѣ слезы проливаетъ.... Оставьте меня суетные призраки, и не усугубляете тоски моей.

Часто Мелида вопрошала Семиру: скажи мнѣ родительница моя, почтемы токмо двое всегда пребываемъ, между тѣмъ, какъ всѣ прочія твари размножаются? Младыя единаго рода

растенія возницаютъ изъ земли, и соплетаются съ другими. Каждый годъ стадо наше прибавляется. Съ какою радостію прыгаютъ нѣжные агнцы! Они ликуютъ отъ удовольствія существовати! А птицы!.... Я видала взаимную ихъ нѣжность, и проливала слезы! Сѣдя подъ густѣйшею сѣнію древесъ, я всему неоднократно свидѣтельницею бывала. Двѣ птички устроивъ себѣ спокойное гнѣздо, лобзалися на ближайшихъ вѣтвіяхъ. Съ какою горячностію, казалось, любили онѣ другъ друга! Вскорѣ по семъ узрѣла я въ гнѣздѣ малыя яички, кои одна изъ нихъ покрывала своими перьями съ нѣжнѣйшимъ раченіемъ, другая же, между тѣмъ, сѣдя на вѣтви, утѣшала сладкимъ пѣніемъ свою подругу. Вседневно взирала я на нихъ сквозь листвій. Вскорѣ на мѣсто яицъ нашла я малыхъ безперыхъ птичекъ: большихъ же узрѣла въ вящшей торопливости, въ вящшей заботливости; онѣ порхали вокругъ гнѣзда, и кормили

птенцовъ, кои съ радостнымъ крикомъ принимали отъ нихъ пищу. Нечувствительно птенцы оперилися, начали простирать еще слабыя свои крылія; потомъ оставя гнѣздо, взлетѣли и пріяли мѣсто на окрестныхъ сучьяхъ; большія предъ ними летали, яко бы желая внушити имъ смѣлость къ подражанію. О, родительница моя, колико зрѣлище сіе было восхитительно! Часто сіи птенцы распространяя крылія порывалися летѣти; но боязнь всегда ихъ остановляла. Отважнѣйшій изъ нихъ вспорхнувъ наконецъ, воспѣлъ съ видомъ радости успѣхъ смѣлости своей. Казалось призывалъ онъ робкихъ своихъ братій на то же предпріятіе покуситься: онѣ послѣдовали его примѣру, вскорѣ начали лѣтати съ древа на древо, и воздухъ исполнился ихъ пѣнія. Какія странныя мысли сіи вещи во мнѣ родили! Почто утѣхи сіи единымъ токмо намъ возбраненны.

Семира недоумѣвала, что отвѣ-

щати на вопросы, столь для тайны ей опасные. Я не вѣдаю и сама сего, вѣщала она ей: но почто возмущаешь ты спокойствіе души своея безплодными изысканіями? Почто созидаешь въ сердцѣ своемъ тщетныя желанія, отъемлющія сладкую тишину твоего духа? Почто хощеши преступно любопытствуя, предъузрѣти намѣренія боговъ, кои единые вѣдаютъ будущую нашу судбину, и рано или поздо устроятъ жребій нашъ по присномудрому своему изволенію?

Увы! отвѣщаетъ Мелида, я прошу боговъ отпустити мнѣ вину мою! Но не могу исторгнуть изъ сердца моего желанія, что бы родъ нашъ, подобно прочимъ, размножался; по истиннѣ, я не вѣдаю, какимъ образомъ можетъ сіе учиниться; стараніе о семъ конечно богамъ предоставлено: но растенія произходятъ отъ сѣмени своего, животныя различно рождаются: я все видѣла. О, когда бы могла я нѣкогда обрѣсти малыхъ человѣковъ,

рожденныхъ какимъ либо изъ сихъ образомъ! Боги, коликое бы раченіе я о нихъ принимала! Колико бы я ихъ возлюбила!.... Оставимъ сіи мечты; боги восприимутъ во мнѣ участіе; но позволь мнѣ, родительница моя, позволь мнѣ еще единый и послѣдній тебѣ вопросъ учинити: уже ли всегда была я таковою, какъ есмь теперь? Нѣтъ, я вѣдаю, что возростала я по малу; подобно прочимъ бытіямъ, меня окружающимъ. Помню, какъ была я не выше сего розоваго кустарника; надлежитъ, чтобъ прежде я была и еще менѣе; надлежитъ, чтобъ было время, въ кое начала я существовати, подобно растеніямъ и другимъ тварямъ: вѣщай, ибо ты безъ сомнѣнія мнѣ предсуществуешь, вѣщай мнѣ, какъ и въ которыхъ мѣстахъ обрѣла ты меня, и что со мною происходило. Когда ты мнѣ сіе повѣдаешь, тогда, можетъ быть, возмогу я открыти какіе либо слѣды, или ..... Увы! нѣтъ не имѣю я о семъ

ясного понятія; но ты можешь все мнѣ объяснити.....

Тако Мелида тревожила мать свою затруднительными сими вопрошеніями. Ты меня огорчаешь, дщерь моя, вѣщала ей Семира; ты огорчаешь меня безразсудными твоими рѣчами: не могу я тебѣ повѣдати, какъ и откол҃ѣ ты произошла на свѣтъ: пребывающей мнѣ въ сихъ мѣстахъ единой, молила я боговъ, послати мнѣ подругу; и въ едино прекрасное утро обрѣла тебя при дверяхъ сѣни моея подъ кринами сѣдящу. Но еще повторяю тебѣ, дщерь надмѣру любопытная, ты умножаешь мученія мои безполезными твоими словами. Воздѣлывай цвѣты твои, забавляйся съ твоими агнцами, и не раздражай боговъ преступными домышленіями, меня же вопросами, на кои не могу я тебѣ отвѣщати. Съ тѣхъ поръ, какъ сіи вредныя мысли тебя постигли, ты престала изобрѣтать себѣ новыя забавы, безпрестанно кру-

шишся, и меня терзаешь, между тѣмъ остарила ты пещеру недовершенну, и небрежешь о цвѣтахъ.

Тако Семира, удручаемая безпокойствами и скорбію, влачила жизнь въ пустынѣ съ дочерью своею; но боги вняли наконецъ ея теплымъ моленіямъ, и восхотѣли обратити печаль ея на радость: Еротъ пріялъ на себя чудо сіе учинити. Въ совѣтѣ боговъ кто болѣе его удобенъ содѣлати младую красавицу счастливою?

На твердой землѣ противу острова обиталъ юноша, соединяющій въ себѣ величество съ благообразіемъ: онъ былъ подобенъ нѣкоему богу, когда зрѣли его ходяща по лугамъ, испещреннымъ цвѣтами, или подъ тѣнію дубровы. Часто отецъ его повѣствовалъ ему злоключенія, страну ту нѣкогда постигшія. Ты зришь сію точку на морѣ, вѣщалъ онъ ему, показуя рукою островъ, предъ симъ длинная полоса земли протягалася по водамъ, подобно распростертой длани.

При краю тоя земли на холмѣ обитала вѣрная чета: Милонъ, тако имяновался супругъ, и Семира, его подруга. Злачныя пассты простиралися отъ бреговъ нашихъ до хижины ихъ, и многочисленныя стада паслися по обѣимъ странамъ. Дщерь, хотя едва токмо рождшаяся, но являющая уже въ себѣ красоту и прелести чудесныя, составляла ихъ утешенiе и все блаженство. Жены страны сея стекалися созерцати ея красоту, принося ей малые дары и благословляя счастливую матерь ея; но внезапу постигло насъ несчастiе, кого едино воспоминанiе хладнымъ ужасомъ меня объемлетъ..... Посреди темныя нощи, шумъ страшнѣйшiй тьмократно грома разлилъ трепетъ по всей странѣ. Земля потряслася въ основанiяхъ своихъ; раздраженная пучина прешла свои предѣлы, испуская страшный ревъ; вопль ужаса и отчаянiя отвсюды раздавался, сквозь мракъ, покрывавшiй небеса. Никогда нощь не

простирала по воздуху столь черныя завѣсы; вина сего страшнаго событія была неизвѣстна. Объятыя боязнію и трепетомъ стеклися мы на поля; восходящая денница освѣтила ужасныя опустошенія свирѣпаго моря; яростныя волны пожрали пассива, между твердыя земли и острова сего находящіяся. Не прежде, какъ уже солнце простерло первые лучи свои на успокоившуюся бездну, узрѣли мы сей островъ; нѣкто изъ насъ, острѣйшимъ зрѣніемъ одаренный, мнилъ видѣти, при ясномъ дни, сѣнь Милонову, съ насажденными вокругъ ея деревами. Можетъ быть онъ существуетъ еще съ возлюбленною своею подругою, можетъ быть Мелида, (тако имяновалася любви достойная дщерь ихъ) осужденная провождати жизнь въ сей пустынѣ, есть совершеннѣйшая красавица, каковой ни единый изъ смертныхъ не зрѣлъ подобной.

Повѣсть сія учинила въ сердцѣ юноши глубокое впечатлѣніе. Съ сего

часа направлялъ онъ часто стопы свои къ поморію, и тамо размышлялъ о участи островитянъ. Единозвучный шумъ пучины усыпилъ его нѣкогда сладкимъ сномъ. Еротъ паря надъ его главою, прохлаждалъ его крыліями своими, дабы зной полдневный не возмогъ его пробудити, и послалъ ему видѣніе таковое: онъ представилъ ему брегъ острова: малые Купидоны перелетывали тамо подъ священными сѣнями: лица ихъ изображали прискорбіе, и они предавалися горести, сѣдя на колеблющихся вѣтвіяхъ, или на цвѣтущемъ дернѣ. Младая пастушка, украшенная всѣми прелестями любви, и въ глубокую задумчивость погруженная, медленными шагами исходила изъ темныя рощи. Грядущи съ томною небрежливостію, уклоняла она къ персямъ главу; власы ея частію развѣвалися по снѣгоподобнымъ ея раменамъ, и частію связаны были на главѣ миртовою лозою. Восхищающая блѣдность покрывала прелестное лице

ея, подобное младой розѣ, увядающей на рождающейся груди; страстныя желанія являлися готовыми угаснути въ небесноголубыхъ ея очахъ. Тако грядетъ она, не ощущая нѣжнаго дыханія Зефировъ, окрестъ ея рѣзвящихся, и не примѣчая прелестнѣйшихъ цвѣтовъ, любовно ко стопамъ ея уклоняющихся, и для обращенія вниманія ея, испускающихъ пріятнѣйшее благоуханіе. Подобно не зрѣла она сладчайшихъ плодовъ: тщетно древо ихъ носящее призывало ее облегчити вѣтви его, бременемъ изобилія нагбенныя. Она остановилася на брегѣ моря; возвела печальные взоры на темную лазурь отдаленныя земли: простерла руки, и казалось просила помощи. Тогда юноша мнилъ видѣти себя преплывающа бездну, и летяща на помощь сея несчастливицы; ему мечталось, что Еротъ исходилъ къ нему на сретѣніе, и велъ сію прекрасную дѣвицу въ трепещущія его объятія. Онъ зрѣлъ малыхъ Купидоновъ ок-

рестъ себя и ее летающихъ, украшающихъ ихъ цвѣточными вѣнцами, и помавая тихо крыліями, услаждающихъ обоняніе ихъ очаровательнымъ запахомъ изящнѣйшихъ цвѣтовъ. Сердце юноши трепетало; горящія его ланиты украшалися алымъ румянцомъ. Тогда руки его отверзясь на объятіе прелестнаго предмета, ощутили единый тонкій и безъ всякаго сопротивленія воздухъ. Наконецъ онъ пробуждается, и пребываетъ еще долгое время въ сладостномъ восторгѣ. Боги! вопіетъ онъ, трепещущими устами, гдѣ я? Она исторглася изъ моихъ объятій! Увы! я на здѣшнемъ брегѣ нахожуся, и островъ сей далекъ отъ меня!..... Сонъ, увы! то сонъ обольстилъ меня; чувствую, что содѣлалъ онъ меня на вѣки злополучнымъ.

Съ сего дня онъ еще болѣе учащалъ хожденіемъ къ приморію. Погруженный въ глубокихъ р змышленіяхъ, возлегалъ на пѣскѣ, и устрем-

лялъ очи къ острову, запредѣльному пучинѣ. Паче во время нощи, при тихомъ сіяніи Луны, когда вся страна въ безмолвіи обрѣталася, и когда не внималъ онъ ничего, кромѣ содроганія моря, пріималъ мѣсто на краю брега, и тамо слушалъ, не поразитъ ли ушей его какой либо гласъ съ острова. Часто мнилъ онъ внимати, то жалостнымъ воплямъ, то пріятному гласу: ибо пламенное вообраэкеніе влюбленныхъ удобно ихъ обольщаетъ. Часто взывалъ онъ громогласно, и мечталъ, что вдали ему отвѣщали; или когда единая отъ звѣздъ небесныхъ являлася за островомъ на горизонтѣ, тогда чаялъ онъ видѣти тамо вожженный свѣтильникъ. Можетъ быти, вѣщалъ онъ, можетъ быти она при слабомъ и колеблющемся его свѣтѣ тяжко воздыхая, помышляетъ о плачевномъ жребіи своемъ, и тщетныя испускаетъ стенанія, въ часы безмолвія природы, о потерѣ дней юности своея. О вѣтры! Почто

не имѣю я крылій вашихъ? Спѣшите, о вѣтры! летите на брегъ сей, и повѣдайте ей, что злосчастный юноша здѣсь томится.

Но что! возглашаетъ онъ, что сталося съ моимъ разсудкомъ? Несчастный! Кто есть предметъ твоея страсти? Мечта, тщетный призракъ! ..... Я предавался здѣсь сну; и вообраденіе начертало моей душѣ образъ, прекраснѣйшій всего того, что зрѣлъ я доселѣ. Я пробудился; но..... о боги! сей образъ не изчезъ съ мечтою, онъ напечатлѣлся въ умѣ моемъ неизгладимыми чертами, и владычествуетъ надъ моимъ сердцемъ. Однако же сей сонъ, сей призракъ, неимѣющій, можетъ быть, ни гдѣ началообразія своего.... Увы! я люблю его страстно; онъ всюды меня преслѣдуетъ; онъ питаетъ въ душѣ моей огнь мучительный и безпресѣчный, онъ содѣлываетъ казнь мою, казнь надмѣру истинную и лютую; онъ влечетъ меня ко брегу сему..... Ахъ! устыд-

дись, и воспріими паки твой разсудокъ; буди то, что былъ ты прежде! буди спокоенъ и счастливъ, буди трудолюбивъ и прилежи къ упражненіямъ твоимъ. Смѣйся своему безумію, оставь брегъ сей, и благодари боговъ, что не учинился ты еще посмѣшищемъ всея страны сея.

Но вотще стремился онъ обуздати страсть свою; вотще предпринималъ удалитися отъ брега. Среди пріятнѣйшихъ упражненій своихъ, милый образъ сей безпрестанно ему представлялся; безпрестанно воображалося ему, что нѣкое невидимое божество влекло его къ морю. О боги! вопіялъ онъ тогда, уже ли страсть сія безполезно будетъ меня крушити? Уже ли обманчивая мечта исполнитъ всѣ дни юности моея мученія, коему ни единая надежда предѣловъ не положитъ? Но сей сонъ не подобенъ тѣмъ, которые слѣпая нечаянность рождаетъ: никогда воображеніе мое не возвышалося до понятія о красотѣ,

превосходящей столь много все, что доселѣ глазамъ моимъ представлялося. Ахъ! безъ сомнѣнія нѣкій богъ посслалъ мнѣ сонъ сей. Но почто учинилъ онъ сіе? Не могу я проникнути въ его намѣреніе. Естьли видѣнная мною красавица дѣйствительно существуетъ на семъ островѣ; то почто онъ мнѣ ее представилъ? Почто хощетъ онъ, чтобъ безплодная любовь меня терзала? Почто оставляетъ онъ меня безъ надежды, и не являетъ средствъ къ достиженію сего острова? Зрю невозможность преплыти раздѣляющее насъ море; чтожъ долженъ я предпріяти, и начто могу покуситься? Боги по истиннѣ одарили человѣковъ отважными мыслями и разумомъ, обилующимъ изобрѣтеніями: они дали ему свободу производити въ дѣйство сіи превосходныя способности! Но, о боги! который умъ человѣческій можетъ наставить меня по волнамъ морскимъ ходити, или, подобно лебедю, преплывати пучину безопасно?

Сѣдящь на брегѣ, съ помощію воспламененнаго любовію разума своего, помышлялъ онъ о снисканіи способовъ преплыти море; ибо искуство ввѣряти себя водамъ, неизвѣстно было тогда смертнымъ; и чего могли они на отдаленныхъ брегахъ искати? Страна, произращающая траву, для стадъ ихъ, страна, покрытая древесами, приносящими здравые плоды, и орошенная свѣтлымъ источникомъ, изобильно всѣмъ нуждамъ ихъ удовлетворяла. Долгое время размышлялъ онъ, обрѣталъ, и отмѣталъ обрѣтаемое. Въ единый день провождая прискорбные взоры по морской поверьхности, узрѣлъ онъ нѣчто вдали волнами ко брегу несомое: радость и упованіе возблистали въ проницательныхъ его очахъ; предметъ приближался; наконецъ усмотрѣлъ онъ пловущую по водамъ кладу огромнаго древа, исторгнутаго бурею изъ недръ земли, и теченіемъ годовъ издолбленную. Робкій заяцъ, безъ сомнѣнія гонимый

по брегу псами, спасся при помощи клады сея; онъ сокрылся въ ушлости сего древа: вѣтвистая отрасль покрывала его своею тѣнію; благопріятный вѣтръ принесъ его на брегъ, и близь юноши извергнулъ на сушу. Тогда прозрѣлъ онъ въ готовящееся ему счастіе, и объятый радостнымъ восторгомъ, воспрянулъ поспѣшно съ земли. Потомъ погрузясь паки въ размышленіе, старался онъ разгнати мглу, объемлющую новую мысль, которая отъ сего зрѣлища въ умѣ его начерталася, и подобно нощной тѣни, исчезала и возраждалась. По семъ извлекъ онъ на пѣсокъ древо сіе, пріявъ намѣреніе начати заутро работу, о коей весьма еще несовершенное имѣлъ онъ понятіе, сомнѣніе и надежда по чредѣ колебали его душу, и сонъ не смыкалъ зеницъ его. При наступленіи зари, беретъ онъ малое число грубыхъ орудій, (ибо въ то время блаженная простота малымъ довольствоватися умѣла) и лепитъ

къ приморію. Я видалъ многажды, вѣщаетъ онъ, согнутые листвія, уносимые вѣтромъ со бреговъ, и плавающіе тихо по морю. Я видалъ еще на озерѣ, близь сѣни отца моего, летающихъ окрестъ онаго насѣкомыхъ, и садящихся на сіи листвія, не омочая нѣжныхъ ногъ своихъ. Учимъ опытъ: уже природа совершила часть труда мнѣ предлежащаго: я изрою древо сіе, да возмогу пріяти наономъ спокойное мѣсто; онъ рекъ, и началъ съ веселіемъ свою работу. О ты! вопіялъ онъ, кто бы ты ни былъ, о богъ благодѣтельный! Ты, которой начерталъ въ сердцѣ моемъ сей неистребимый образъ, услыши моленіе мое, и содѣлай, да вожделенный успѣхъ увѣнчаетъ мое предпріятіе!

Часто, отдыхая отъ работы, кидалъ онъ взоры къ острову, вѣщая тако: о ты, прекраснѣйшая изъ смертныхъ? Какихъ препонъ любовь не преодолѣваетъ? О какая сладостная на-

дежда заставляетъ меня отъ радости трепетати! Како возможеши не явити мнѣ взаимныя нѣжности, приплывшу къ твоимъ брегамъ, мнѣ, коего страсть презираетъ пучину? Любовь покушалася ли когда либо на столь отважное дѣяніе?

Часто, теряя бодрость, оставлялъ онъ свою работу. Несмысленный! вѣщаетъ онъ самъ себѣ: сколь безумно твое предпріятіе! Когда бы теперь прохожій вопросилъ тебя, что хощеши ты дѣлати, что возмнилъ бы онъ внимая сему отвѣту: я изрываю, рекъ бы ты ему, сіе древо, дабы возсѣвъ на ономъ преплывати свирепое море. Который безжалостный отецъ, возгласилъ бы онъ тогда, предаетъ столь безразсудно сына своего таковому безумію? Вѣщая тако, взиралъ онъ съ досадою на начатую работу. Но что! продолжалъ онъ стремительно; когда и не достигну я желаемаго успѣха, то потѣряю токмо немногіе часы моихъ досуговъ? Могу ли

я меньшую жертву любви моей посвятити? Безъ сомнѣнія островъ сей обитаемъ; слышанное мною о немъ отъ родителя моего, учиняетъ сіе вѣроподобнымъ; видѣніе же мое, каковое единый изъ боговъ возмогъ токмо мнѣ представити, содѣлываетъ мысль сію совершенно достовѣрною; когда же то истинна, что населенъ сей островъ!.... Боги! колико обитатели его суть злополучны! Когда отецъ, когда мать красавицы сея прешли въ царство мертвыхъ, естьли прейдутъ они нѣкогда во оное, и она пребудетъ едина, оставленная всѣми, осужденная продолжати цвѣтущую младость въ ужасной пустынѣ, снѣдаема скорбію и отчаяніемъ.... Нѣтъ! то болѣ не любовь, но сострадание долженствуетъ побуждати меня къ отважнѣйшимъ предпріятіямъ!.... Тако терялъ онъ и паки воспріималъ свое мужество.

По малодневному труждaнію изрылъ онъ древо, и придалъ ему видъ

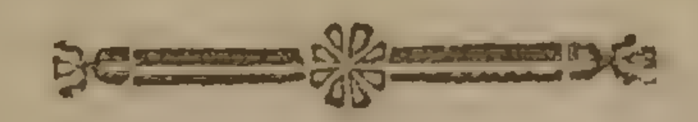
лодіи, хотя несовершенной. Тогда привлекъ его съ трудностію въ едино изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ море, стесненное между двумя брегами, мало колыханія претерпѣваетъ. Тамо спустя лодію свою на воды, и возсѣвъ посреди оныя, отдался на произволъ вѣтрамъ. Между тѣмъ тщательно наблюдалъ недостатки своей работы: волны принесли его паки на пѣсокъ, онъ началъ снова трудиться: исправилъ лодію, и часто на водахъ ее испытывалъ. Вотъ уже, гласилъ онъ, дѣло мое приходитъ къ окончанію! Но какъ достигну я искуства управляти плаваніемъ моимъ по открытому морю? Какъ возмогу приближиться къ сему острову, не учиняся игралищемъ волнъ? Воображеніе представляло ему тьму различныхъ мыслей, немедленно разсудкомъ его отвергаемыхъ. Но развѣ лебедь, продолжалъ онъ, не управляетъ плаваніемъ своимъ, разсѣкая влагу широкими ластами своими? И всѣ птицы водныя

развѣ не тако же поступаютъ? Не животное ли научило меня плавати на древѣ? Животное же снабдитъ меня и способами къ усовершенствованію сего новаго изобрѣтенія. Когда бы содѣлалъ я себѣ древяныя ласты, подобныя широтою ногамъ лебедя, и когда бы устроилъ я ихъ обоюду изрытаго древа, для разсѣченія водъ?....

Восхищенный сею мыслію, спѣшитъ посѣщи древо, удобное къ исполненію его замысла, и вскорѣ придаетъ оному видъ подобный весламъ. Потомъ возсѣвъ на лодію свою, долгое время испытуетъ ихъ безъуспѣшно. Между тѣмъ ежедневно примѣчаетъ на правленіе ногъ птицъ водныхъ, и ежедневно открываетъ новыя средства къ управленію судномъ своимъ. Долго не дерзалъ онъ ни гдѣ плавать, кромѣ малаго того залива: но учинясь отъ опытности отважнѣйшимъ, осмѣлился нѣкогда выплыть на открытое море, и возвратясь не-

вредимо ко брегу; воспрянулъ отъ радости: се исполненіе чуда, толико меня терзавшаго, возопилъ онъ! Заутро при перьвыхъ лучахъ дневнаго свѣтила, буду я на море; когда вѣтры благопріятствовати мнѣ будутъ, хощу на семъ маломъ суднѣ отважно предпріяти путешествіе на островъ. Тотъ есть преступникъ, кто отрицается подати помощь несчастнымъ, убояся опасностей, колико бы не были онѣ ужасны. Сказавъ сіе, оставляетъ лодію въ заливѣ, и возвращается въ шалашь свой; ибо нощь уже наступила.

Конецъ перьвой пѣсни.

АНЕКДОТЫ.

Фридерикъ второй, по окончаніи одного кровопролитнаго сраженія, спрашивалъ у своихъ Генераловъ и Офицеровъ, кто бы, по мнѣнію ихъ, оказалъ себя наихрабрѣйшимъ въ сей день? — Вы, Государь! отвѣтствовали они единогласно. — Нѣтъ, вы обманываетесь, возразилъ Король; это былъ флейщикъ, мимо котораго я проѣзжалъ болѣе 20 разъ, и который съ самаго перьваго по самой послѣдній выстрѣлъ не переставалъ надувать свой инструментъ.

Томасъ Робинзонъ нашелъ средство сдѣлать себя несноснымъ для большихъ Господъ частыми и неблаговременными своими посѣщеніями. Когда приходило ему на мысль итти наскучить Герцогу Невкастельскому, и ежели служители запрещали ему доступъ въ кабинетъ Герцога, то онъ испрашивалъ у нихъ позволенія по-

смотрѣть на стѣнные часы въ залѣ, или поиграть въ прихожей съ обезъяною, которую тамъ держали на цѣпи, и все сіе дѣлалъ онъ въ той надеждѣ, что Герцогъ, увидя его, возметъ къ себѣ въ кабинетъ. Онъ повторялъ столь часто сію выдумку, что служители наконецъ перестали сему вѣрить, и согласились между собою, выгнать его однажды навсегда; ибо въ первой разъ, какъ онъ пришелъ къ нимъ, придверникъ, не дожидаясь его вопросовъ, отпустилъ его, сказавъ однимъ духомъ: „Государь мой! Его Превосходительство, Господинъ мой, уѣхалъ со двора, часы остановились, а обезъяна умерла.„

Одинъ купецъ, которой не надѣялся на свою память, записалъ въ своей карманной книжкѣ: въ проѣздъ мой чрезъ Брауншвейгъ не позабыть мнѣ жениться.

Одинъ плохой и при томъ тще-

славной стихотворецъ весьма любилъ, чтобъ пріятели его слушали его сочиненія. Нѣкогда зимою, отвелъ своего знакомца, которой пришелъ его посѣтить, въ комнату, и заставилъ его слушать длинные и скучные стихи, а послѣ спросилъ, какъ онъ думаетъ объ етихъ стихахъ? — „Другъ мой! отвѣчалъ озябшій гость, естьли бы по больше было огня въ твоихъ стихахъ, или по больше стиховъ твоихъ въ огнѣ, то бы мы не озябли.„

Нѣкоторой отецъ писалъ къ своему сыну, обучавшемуся въ Университетѣ, слѣдующее письмо:

Любезной сынъ!

Когда ты обрѣтаешся въ добромъ здоровьѣ, то и мы всѣ въ таковомъ же находимся. При сей оказіи посылаю тебѣ старой мой кафтанъ; сдѣлай себѣ изъ него новой, чтобъ тебѣ въ наступающіе праздники не безчестно было выти въ

люди; да и мать твоя посылает тебѣ при семъ безъ вѣдома моего десять гульденовъ. Я прошу тебя, не промотай ихъ, и сбереги себѣ что нибудь къ старости; не прилѣпляйся ни къ какой дѣвкѣ, въ противномъ случаѣ ты будешь *оселъ*, *а я твой вѣрный отецъ.*

Одинъ Нѣмецкой дворянинъ купилъ себѣ деревню, и построилъ себѣ въ ней великолѣпный домъ съ изрядною домовою церковью, подъ которою приказалъ сдѣлать погребъ, для погребенія мертвыхъ. Когда все строеніе было окончано; то онъ писалъ къ своимъ дѣтямъ: „Наконецъ, любезные дѣти, церковь наша отстроена, и я надѣюсь, что *естьли Богъ продлитъ жизнь нашу, то всѣ мы будемъ подъ нею погребены.*

Въ Графствѣ Бернскомъ есть небольшой удѣлъ земли, которымъ цѣлые три вѣка владѣетъ одно семей-

ство, не умноживъ и не уменшивъ ни на шагъ своего владѣнія. Когда Его Величество, нынѣшній Король Георгъ III увѣдомился о сей чрезвычайности отъ Генерала Конвая, то сказалъ: „По истиннѣ удивительно, что чрезъ цѣлые три вѣка не нашлось въ сей семьѣ ни умнаго человѣка, ни дурака.„

Одинъ Аглинской извощикъ, которой трудами своими накопилъ себѣ небольшое имѣніе, занемогши, послалъ за Священникомъ и Нотаріусомъ, которые пришедши въ одно время, нашли больнаго на постелѣ, окруженнаго всѣмъ его семействомъ, которое проливало горькія слезы. Извощикъ собравъ свои силы, сказывалъ Нотаріусу слѣдующее: я отказываю домъ мой, и все движимое имѣніе Марьѣ, (такъ называлась жена его) по смерть ея, а послѣ ея смерти раздѣляютъ оное мои дѣти; лошадей и повозки отказываю Тому, тѣлеги и быковъ

дину; 100 фун. стерлинговъ Виллю, да Молли и Бетти по 300 фунтовъ стерлинговъ.

Теперь вы, Г. Нотаріусъ, пишите, вы Г. Священникъ читайте молитвы; ты жена моя плачь, вы дѣти мои кричите, сколько вамъ угодно, *а я умираю.* — Завѣщатель дѣйствительно испустилъ духъ, произнеся сіи послѣднія слова.

Славный Графъ Чатамъ спросилъ нѣкогда Доктора Генникера, что такое есть разумъ? — „Милордъ, отвѣтствовалъ Докторъ, разумъ есть то же самое, что будетъ пенсія, которою вы разсудите за благо наградить вашего вѣрнаго слугу, то есть *добрая вещь, хорошо употребленная.*„

Славный Голбеинъ, живописецъ Аглинскаго Короля Генриха VIII, имѣлъ привычку запираться въ своей мастеровой комнатѣ, куда онъ, во время своей работы, не впускалъ ни

кого изъ постороннихъ. Въ одинъ день случилось, что нѣкоторой Графъ постучался у дверей оной, и просилъ быть впущенъ; но Голбеинъ отказалъ ему въ томъ, извиняясь учтивѣйшимъ образомъ. Лордъ почитая сей отказъ себѣ обидою, хотѣлъ войти силою. Тотчасъ Голбеинъ, вышедъ изъ своего кабинета, и будучи весьма горячь, столкнулъ Лорда съ лѣстницы. Размышляя потомъ о семъ поступкѣ, побѣжалъ онъ просить защищенія себѣ у Короля противъ мщенія Графа, которой ускорилъ его приходомъ къ Его Величеству, и требовалъ удовольствія. Генрихъ VIII старался успокоить сего послѣдняго; но Графъ отвѣтствовалъ, возвышая голосъ съ такимъ гнѣвомъ, что Монархъ, оскорбленъ будучи его неуваженіемъ къ Королевской особѣ, сказалъ ему: „Милордъ, подъ опасеніемъ собственной вашей жизни, запрещаю вамъ всякую наглость противъ моего живописца. Вспомните только о разности между

вами двумя; я въ одну минуту могу сдѣлать десять Графовъ изъ десяти крестьянъ; но изъ десяти Графовъ такихъ, какъ вы, я не въ силахъ сдѣлать ни одного Голбеина.

Кардиналъ Флёри имѣлъ, кромѣ пріятности въ обхожденіи, великую остроту ума. Когда онъ былъ учителемъ Дофина Людовика XV, у котораго Гофмейстеромъ былъ Маршалъ Виллероа, сей послѣдній имѣя сообщить Кардиналу нѣчто касающееся до Принца, написалъ къ нему записку, въ которой хотѣлъ объясниться съ нимъ о томъ; но Гофмейстеръ написалъ такъ худо, что Г. Флёри не могъ разобрать ни одного слова изъ того, что онъ хотѣлъ ему сказать: по сему и написалъ въ отвѣтъ къ Г. Виллероа и просилъ его, принять на себя трудъ, сообщить для него чоткимъ и разборчивымъ письмомъ. — Маршалъ написалъ другое письмо съ большимъ раченіемъ. Кар-

диналъ отвѣтствовалъ ему, что онъ наконецъ понялъ его. Но что для общей ихъ чести, почитаетъ за нужное, хранить сіе произшествіе въ тайнѣ, дабы не сказали въ Европѣ: „Что одинъ Французской Король имѣлъ у себя Гофмейстера, которой не умѣлъ писать, и учителя, которой не умѣлъ читать.„

РАЗНЫЯ УВЕСЕЛЕНІЯ.

Удариться объ закладъ, что яицо топоромъ на столѣ разшибить не можно.

Кто сего не знаетъ, тотъ передъ столомъ стоя, разбить захочетъ; но закладъ проиграетъ. Кто же сіе въ точности сдѣлать пожелаетъ, тотъ сядетъ на столъ, то удачно и сдѣлаетъ.

Сдѣлать, чтобъ яицо по столу бѣгало.

Возми яицо, и выпустивши изъ него все, положи туда таракана, или піявицу, залѣпи потомъ дырочку бумажкою. Когда же пожелаешь, чтобъ яицо по столу само ходило; то возми зажженную свѣчу, и води ею по яицу: куда поведешь свѣчею, туда побѣжитъ и яицо.

Научить кошку въ одну минуту на трехъ, или на четырехъ языкахъ писать.

Возми два лота квасцовъ, и положи оные въ стаканъ, влѣй туда одинъ лотъ ключевой воды, и дай ей разойтися; потомъ возми перо, и напиши тѣмъ на четырехъ языкахъ на бумагѣ; дай сему засохнуть, то не видно будетъ ничего на бумагѣ. Обмакни потомъ кошкину лапу въ простую воду, и води ею по

сокрытымъ строкамъ, то и можно будетъ послѣ читать.

Сдѣлать, чтобъ опрокинутой горшокъ всю воду изъ блюда въ себя вобралъ.

Наполни глубокое блюдо водою, потомъ сожги въ крѣпкомъ, пространномъ и нагрѣтомъ горшкѣ хлопокъ, или листъ бумаги; сдѣлавши же сіе, обороти его горломъ на блюдо, наполненное водою, горшокъ пососетъ весьма жадно въ себя воду, такъ, что весело будетъ смотрѣть: должно хлопокъ, или бумагу, за дверью въ горшкѣ сжечь, чтобъ зрители сего примѣтить не могли, что съ горшкомъ произошло.

Сдѣлать изъ зеркаловъ увеселительное зрѣлище.

Возми четыре, или пять, или болѣе зеркаловъ, поставь ихъ кругомъ такъ, чтобъ онѣ сдѣлали средину пустую, а въ срединѣ на ставь

разныхъ вещей, какъ-то: садочковъ, нѣсколько звѣрей, овечекъ, крестьянскихъ домовъ, солдатовъ, и такъ далѣе; то къ великому удивленію, представится видъ безконечной, великое стадо овецъ, цѣлое село и множество солдатъ. Знатокъ можетъ симъ по произволенію своему располагать. Ежели будетъ перемѣнять вещи такъ, что зрѣлище два, или три раза перемѣнится, то сіи перспективныя представленія въ незнающемъ большее еще удивленіе произведутъ.

Яицо на головѣ испечь безъ огня.

Возми горячій хлѣбъ, какъ скоро его изъ печи вынутъ, прорѣжь съ верьху на немъ такую дыру, что бы яицо улечься въ ней могло, положи его потомъ туда, закрой его съ верьху хлѣбомъ, которой ты отрѣзалъ, положи въ салфеткѣ хлѣбъ на голову, то яицо скоро испечется.

КОНЕЦЪ
ОДИННАТЦАТОЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ОДИННАТЦАТОЙ ЧАСТИ.

Статья Ученая.

Статья Економическая.

Статья Нравоучительная.

Статья Историческая.

Статья Увеселительная.

